

rocketbook

Бернард Шоу

Пигмалион

PocketBook (ЭКСМО)

Джордж Бернард Шоу

Пигмалион

«ЭКСМО»

1914

УДК 821.111-2
ББК 84(4Вел)-6

Шоу Д.

Пигмалион / Д. Шоу — «Эксмо», 1914 — (PocketBook (Эксмо))

ISBN 978-5-04-121357-2

Крупнейший английский драматург конца XIX – первой половины XX в. Джордж Бернард Шоу (1856–1950) в своих произведениях выступает как мастер интеллектуальной драмы-дискуссии, построенной на острых диалогах, полной парадоксальных ситуаций, разрушающей все традиционные представления о театре. Его пьесы бичуют политическую реакцию, нормативную мораль, лицемерие, ханжество. В 1925 г. писателю была присуждена Нобелевская премия.

УДК 821.111-2

ББК 84(4Вел)-6

ISBN 978-5-04-121357-2

© Шоу Д., 1914

© Эксмо, 1914

Содержание

Предисловие	5
Действие первое	8
Действие второе	16
Действие третье	33
Действие четвертое	46
Действие пятое	52
Заключение	64

Бернард Шоу

Пигмалион

Предисловие

Профессор фонетики

Как станет понятно далее, «Пигмалион» нуждается не столько в предисловии, сколько в заключении, каковое вы и отыщете в надлежащем месте.

Англичане не уважают свой язык и не стремятся обучить собственных детей правильно говорить на нем. Они не могут адекватно записывать свою речь, так как у них нет для этого ничего, кроме старого иностранного алфавита, в коем лишь согласные – да и то не все – имеют общепринятые звуковые соответствия. Следовательно, никто не способен освоить его звучание посредством чтения, а потому, едва открыв рот, любой англичанин непременно вызывает неприязнь у какого-либо своего соотечественника. Большинство европейских языков давно доступны иностранцам в записи черным по белому; английский и французский не доступны в этой форме даже самим англичанам и французам. Сегодня нам более всего необходим реформатор в лице энергичного фонетиста-энтузиаста – вот почему я сделал такого человека героем популярной пьесы.

Голоса подобных героев, словно глас вопиющего в пустыне, раздаются на нашей родине в течение многих лет. В конце 1870-х, когда я впервые заинтересовался этой темой, великолепный Александр Мелвилл Белл, изобретатель «видимой речи», уже эмигрировал в Канаду, где его сын изобрел телефон, но Александер Дж. Эллис был еще лондонским патриархом; его внушительную голову всегда прикрывала круглая бархатная шапочка, за что он чрезвычайно вежливо извинялся на публичных собраниях. К нему и Тито Пальярдини, второму ветерану фонетики, нельзя было относиться иначе, нежели с симпатией. Генри Свит, в ту пору еще юноша, не обладал присущей им мягкостью характера; обыкновенные смертные вызывали у него не больше нежных чувств, чем у Ибсена и Сэмюэла Батлера. Незаурядный дар Свита (думаю, среди специалистов по фонетике он был самым лучшим) снискал бы этому ученому высокое официальное признание и, возможно, помог бы ему популяризировать свой предмет, если бы не его демоническое презрение к сановникам от науки и вообще ко всем, кто ставил греческий выше фонетики. Однажды – это было в те дни, когда в Южном Кенсингтоне вырос Имперский институт, а Джозеф Чемберлен без устали раздвигал пределы империи, – я убедил редактора одного ведущего ежемесячника принять от Свита статью, доказывающую всебританскую значимость его предмета. По получении этой статьи выяснилось, что она не содержит ничего, кроме издевательских нападок на некоего профессора английского языка и литературы, чье место, по убеждению Свита, следовало занимать только знатоку фонетики. Материал отклонили как клеветнический и решительно не пригодный для публикации, а мне пришлось распрощаться с мечтой привлечь внимание широкой публики к его автору. Встретившись с ним лично после многолетнего перерыва, я, к своему удивлению, обнаружил, что этот во время оно весьма приличный молодой человек умудрился посредством одного лишь презрения так изменить свою внешность и манеры, что сделался как бы ходячим отрицанием Оксфорда и всех его традиций. Как ни странно, его все же уговорили занять там должность преподавателя фонетики. Возможно, будущее этой науки теперь в руках его учеников, буквально молившихся на него, однако ничто не могло подвигнуть самого мэтра даже на малейшие уступки университету, принадлежать к коему по духу и складу было, впрочем, назначено ему самою судьбой. Осме-

люсь высказать догадку, что в его бумагах, если он оставил таковые, отыщутся сатирические зарисовки, которые можно будет опубликовать без слишком уж катастрофических результатов лет этак через пятьдесят. При всем при том я не считаю, что у него был дурной характер, и даже наоборот; просто он не принадлежал к тем, кто охотно мирится с чужой глупостью, а ему казались непроходимо глупыми все ученые, не питавшие страстной любви к фонетике.

Люди, знавшие Свита, увидят в моем третьем акте намек на оригинальную стенографическую систему, которой он пользовался при написании открыток и руководство к которой, изданное «Кларендон пресс», можно приобрести за четыре с половиной шиллинга. Я сам получал от Свита открытки, подобные тем, что описывает миссис Хиггинс. Расшифровав звук, который кокни передал бы как «зерр», а француз как «зе», я недоуменно и, признаюсь, с долей раздражения осведомлялся в ответном письме, что это, черт возьми, может означать. С безграничной снисходительностью, явно сожалея о моей тупости, Свит пояснял, что это не только может, но и означает слово «результат», ибо ни в одном языке мира не существует иного слова, содержащего данный звук и уместного в данном контексте. То, что менее искушенным смертным могут потребоваться более подробные указания, выводило его из себя. Таким образом, хотя его «плавная скоропись» и предназначена для точного отображения любого звука в языке, как гласного, так и согласного, причем ваша рука должна выводить только легкие и плавные линии, как при написании букв m, n и u, l, r и q под любым удобным вам углом, его упорное стремление использовать эту хорошую и вполне понятную систему в качестве стенографической приводило к возникновению самых что ни на есть загадочных криптограмм. Его истинной целью была разработка полной, точной, удобочитаемой системы записи для нашего благородного, но плохо оформленного языка, однако он сбился с пути из-за презрения к популярной стенографической системе Питмана, которую считал абсолютно неудачной. Триумф Питмана был триумфом деловой организации: вас убеждали изучать Питмана в еженедельной газете, вы могли покупать дешевые пособия и тетради для упражнений, а также копировать записи речей, сделанные по его системе, а в школах работали опытные учителя, помогавшие вам достичь необходимой сноровки в ее применении. Свит не мог составить всему этому достойную конкуренцию. Он напоминал Сивиллу, разорвавшую листы с пророчеством, на которое никто не обращал внимания. Может быть, в один прекрасный день какой-нибудь синдикат заинтересуется его руководством за четыре с половиной шиллинга (в основном это литографическое воспроизведение текстов, написанных им от руки) и, не брезгуя пошлой рекламой, навяжет его публике, как «Таймс» навязал ей энциклопедию «Британника», но до тех пор Свиту определенно не победить Питмана. Сам я за всю жизнь купил три экземпляра его труда и слышал от издателей, что он пользуется устойчивым, хотя и ограниченным спросом. Дважды, в разные годы, я обучался его значкам, однако авторство системы, с помощью которой я пишу сейчас эти строки, принадлежит Питману. Причина проста: моя секретарша не может расшифровать запись по Свиту, поскольку в школе ей волей-неволей пришлось овладеть питмановской. В Америке я мог бы пользоваться коммерчески подкрепленной системой Грегга, который позаимствовал у Свита идею сделать буквы удобными для письма (плавными, как сказал бы Свит), а не угловатыми, как у Питмана; но все эти системы испорчены тем, что их приспособили для стенографирования, а в этом случае точная передача звуков и разделения речи на слова становится невозможной. Полная и точная фонетическая транскрипция неудобна с практической точки зрения и не нужна в обычной жизни, но если мы увеличим свой алфавит до размеров русского и сделаем наше правописание столь же фонетически достоверным, как у испанцев, прогресс будет огромным.

Пигмалион Хиггинс – отнюдь не копия Свита, для которого приключение с Элизой Дулитл было бы невозможно; однако, как вы убедитесь, Свит оставил в пьесе свои следы. Будь у него хиггинсовские здоровье и темперамент, Свит мог бы поджечь Темзу. И даже без оных ему удалось произвести на Европу настолько сильное впечатление, что его относительная мало-

известность на родине вкупе с нежеланием Оксфорда воздать ему должное весьма озадачивали его коллег с континента. Я не виню Оксфорд, ибо считаю, что он вправе требовать от своих питомцев некоторой лояльности (Бог свидетель, эти требования нельзя назвать чрезмерными!). Мне хорошо известно, как нелегко одаренному человеку, чья область интересов явно недооценена, поддерживать теплые и дружеские отношения с людьми, которые ее недооценивают и занимают все лучшие места, преподавая менее важные дисциплины не только без огонька, но зачастую и без достаточно глубоких знаний о них, но все же, если он обрушивает на этих людей свой гнев и презрение, не стоит ожидать, что в ответ его будут осыпать почестями.

О следующих поколениях фонетистов я знаю мало. Среди них выскится Роберт Бриджес, коему Хиггинс, возможно, обязан своим преклонением перед Мильтоном, хотя и здесь я должен отвергнуть всякое портретное сходство. Но если моя пьеса помогает публике осознать, что на свете есть такие люди, как фонетисты, и что в настоящее время они представляют собой весьма важные для Англии персоны, я могу считать свою цель достигнутой.

Хочу похвастаться, что «Пигмалион» в обеих версиях, сценической и экранной, имеет чрезвычайный успех не только на родине, но и во всей Европе, а также в Северной Америке. Эта пьеса столь откровенно и умышленно поучительна, а ее предмет почитается столь сухим, что я с большим удовольствием ткну ею в нос тем умникам, которые с попугайским упорством твердят, будто поучительность противопоказана искусству. Она подтверждает мое мнение о том, что истинному искусству противопоказана не поучительность, а ее отсутствие.

В заключение – и в утешение тем, кому из-за своих речевых недостатков не удастся сделать карьеру, – я добавлю, что метаморфоза, происшедшая с цветочницей благодаря стараниям профессора Хиггинса, вовсе не является такой уж чудесной или уникальной. Наша домашняя прислуга и продавцы в вест-эндских магазинах двуязычны. Дочь консьержа, которая в наше время удовлетворяет свое честолюбие, играя в «Рюи Блазе» на сцене «Комеди франсез» испанскую королеву, – лишь одна из многих тысяч мужчин и женщин, избавившихся от своего привычного выговора ради того, чтобы обрести новый язык. Однако эта задача требует научного подхода, иначе результат вполне может оказаться противоположным. Простой и натуральный трущобный говор легче снести, чем попытку не искушенной в фонетике личности имитировать манеру речи, принятую среди богачей. Честолюбивым цветочницам, прочитавшим эту пьесу, не стоит думать, будто они сумеют выдать себя за леди без всякого труда. Для этого им придется заново выучить весь алфавит с помощью фонетиста-профессионала. Примитивное подражание приведет лишь к тому, что они выставят себя на посмешище.

Техническое примечание

Полная постановка пьесы в том виде, в каком она впервые публикуется в этом издании, технически возможна только на киноэкране либо на сцене, снабженной сложным механическим оборудованием. Обычным театрам, желающим включить ее в свой репертуар, рекомендуется опустить эпизоды, отмеченные звездочками.

Действие первое

Лондон в 11.15 вечера. С неба низвергаются потоки воды. Отовсюду доносятся истерические автомобильные гудки. Прохожие спасаются от летнего ливня под портиком церкви Святого Павла (не собора, построенного Реном, а церкви Иниго Джонса на овощном рынке Ковент-гарден); среди них Дама средних лет и ее Дочь в вечерних платьях. Все мрачно смотрят на струи дождя, и только один Мужчина повернулся спиной к остальным и сосредоточенно строчит что-то у себя в блокноте.

Церковные часы бьют четверть.

Дочь (между центральными колоннами, рядом с правой, если смотреть из зала). Прогрела до костей. Куда пропал Фредди? Целых двадцать минут где-то ходит.

Мать (по правую руку от дочери). По-моему, меньше. Но все равно, пора бы ему уже поймать нам такси.

Посторонний (по правую руку от дамы). Не видать вам никакого такси до полдвенадцатого, уважаемая. Развезут которых из театра, тогда и вернутся.

Мать. Но нам очень нужно такси. Мы не можем стоять здесь до половины двенадцатого. Это никуда не годится.

Посторонний. Я тут ни при чем, уважаемая.

Дочь. Был бы наш Фредди пошустрее, так поймал бы какое-нибудь у театра.

Мать. Разве он виноват, бедный мальчик!

Дочь. Другие-то раздобыли такси. А он почему не мог?

Из-под дождя со стороны Саутгемптон-стрит прибегает Фредди и втискивается между ними, стряхивая с зонтика воду. Это юноша двадцати лет в вечернем костюме; брюки у него снизу совсем промокли.

Дочь. Ну что, поймал такси?

Фредди. Хоть умри, никто не везет.

Мать. Ах, Фредди, быть этого не может. Наверное, ты плохо искал.

Дочь. Он утомился, бедняжка. Хочешь, чтобы мы сами отправились?

Фредди. Говорю вам, они все заняты. Дождь полил так внезапно – застал людей врасплох, вот они и бросились ловить такси. Я добежал до Чаринг-Кросс в одну сторону и почти до Ладгейт-серкус в другую, и все заняты.

Мать. А на Трафальгарской площади пробовал?

Фредди. Не было там такси.

Дочь. Ты скажи, пробовал?

Фредди. Я даже на Чаринг-Кросском вокзале был. Хотите загнать меня в Хаммерсмит?

Дочь. И вовсе ты не пробовал.

Мать. Какой ты беспомощный, Фредди. Иди снова и без такси не возвращайся.

Фредди. Промокну зря, вот и все.

Дочь. А о нас ты подумал? Хочешь, чтобы мы простояли всю ночь под этим ливнем почти что голые. Ну и эгоист же ты...

Фредди. Ладно, ладно. Иду. (Раскрывает зонтик и бросается в направлении Стрэнда, но налетает на цветочницу, которая спешит спрятаться под портиком, и выбивает у нее из рук корзину. Столкновение сопровождается ослепительной вспышкой молнии и немедленно вслед за нею – оглушительным раскатом грома.)

Цветочница. Эй, Фредди! Смотри, куда идешь!

Фредди. Простите. *(Убегает.)*

Цветочница *(поднимает рассыпанные цветы и снова кладет их в корзину).* Ну и манеры! Два букета мне раздавил. *(Она садится на цоколь колонны, по правую руку от дамы, и перебирает цветы. Это малопривлекательная особа. Ей лет восемнадцать-двадцать, не больше. На голове у нее маленькая черная соломенная шляпка, собравшая на себя значительное количество лондонской пыли и копоти и явно почти не знакомая со щеткой. Волосы девушке тоже не мешало бы помыть: их мышиный цвет едва ли может быть естественным. На ней дешевое черное пальтецо, еле достающее до колен и слегка приталенное, коричневая юбка и грубый передник. Ботинки в плачевном виде. Она, несомненно, следит за собой настолько, насколько позволяют ее средства, но по сравнению с дамами выглядит очень грязной. Черты лица у нее не хуже, но их состояние оставляет желать лучшего; кроме того, ей требуются услуги дантиста.)*

Мать. Откуда ты знаешь, что моего сына зовут Фредди, милочка?

Цветочница. Так он ваш сынок? Хорошо вы его воспитали: загубил товар у бедной девушки и удрал не заплативши. Вы, что ль, платить будете?

Дочь. И не вздумай, мама. Ишь, хитрая!

Мать. Тихо, Клара. У тебя есть мелочь?

Дочь. Нет. Мельче шестипенсовика – ничего.

Цветочница *(с надеждой).* Я вам сдачи дам, добрая леди.

Мать *(Кларе).* Дай его мне. *(Клара неохотно подчиняется.)* Ну вот! *(Цветочнице.)* На тебе за цветы.

Цветочница. Благодарю покорно.

Дочь. Пусть сдачу отдаст. Букетики-то по пенни штука.

Мать. Придержи язык, Клара. *(Цветочнице.)* Оставь сдачу себе.

Цветочница. Благодарствуйте.

Мать. А теперь скажи, откуда ты знаешь имя моего сына.

Цветочница. Да не знаю я.

Мать. Я слышала. Не обманывай.

Цветочница *(возмущенно).* Никто вас не обманывает. Незнакомый – он и есть Фредди или Чарли, так любой сказал бы, ежели он воспитан.

Дочь. Шесть пенсов на ветер! Право, мама, нельзя так швыряться деньгами. *(Рассерженно удаляется за колонну.)*

Под крышу вбегает добродушного вида Джентльмен средних лет с военной выправкой, закрывает и отряхивает зонтик. Как и у Фредди, брюки у него внизу промокли насквозь. Он одет по-вечернему, в легком плаще поверх костюма. Ему достается место, освободившееся после ухода дочери.

Джентльмен. Ф-фу!

Мать *(джентльмену).* Простите, сэр, дождь еще не кончается?

Джентльмен. Нет, к сожалению. Минуту-другую назад еще сильнее припустил. *(Подходит к цоколю, на котором сидит цветочница, ставит на него ногу и нагибается, чтобы подвернуть штанину.)*

Мать. О Господи! *(Грустно отступает вслед за дочерью.)*

Цветочница *(решив воспользоваться соседством джентльмена, чтобы завязать с ним дружеские отношения).* Раз сильнее стал, значит, скоро кончится. Выше голову, капитан; купите цветок у бедной девушки.

Джентльмен. Не могу. У меня нет мелочи.

Цветочница. Я сдачи дам, капитан.

Джентльмен. С соверена? Меньше у меня нет.

Цветочница. Да ладно вам. Купите цветочек! Полкроны разменяю. Вот этот, за два пенса.

Джентльмен. Оставьте меня в покое, девушка. (*Роемся в карманах.*) У меня действительно нет мелочи... постойте-ка, вот три полупенсовика, держите. (*Отходит к другой колонне.*)

Цветочница (*она разочарована, но три полупенсовика все же лучше, чем ничего*). Спасибо, сэр.

Посторонний (*цветочнице*). Поосторожней: дай ему цветок за его деньги. Видишь, вон тот – он все твои слова записывает. (*Все оборачиваются к человеку, делающему пометки в блокноте.*)

Цветочница (*подскакивает в ужасе*). Я ж ничего плохого не сделала. Я имею право цветы продавать, если прохожим не мешаю. (*Истериически.*) Я честная девушка! Помогите, я только предложила этому джентльмену купить цветочек, вот и все!

Общее волнение; в целом присутствующие сочувствуют цветочнице, но осуждают ее за излишнюю эмоциональность. Старшие, более уравновешенные наблюдатели похлопывают ее по плечу, приговаривая: «Да чего ты вопишь? Кто тебя трогает? Все нормально. Какой смысл шуметь? Держи себя в руках. Успокойся», – и т. д. Менее терпеливые предлагают ей заткнуться или грубо спрашивают, что это ей приспичило. Те, что стояли подальше и не знают, в чем дело, подходят поближе, увеличивая общую сумятицу своими вопросами и ответами: «По какому поводу шум? Что она натворила? Где он? Сейчас ее арестуют. Кто – вон тот? Ну да, он самый. Деньги у человека вымогала», и т. д.

Цветочница (*в панике проталкивается сквозь толпу к джентльмену и отчаянно голосит*). Сэр, он меня в тюрьму заберет! А мне это нельзя! Скажут – к джентльмену приставала, и куда мне потом – на улицу? Мне мое честное имя еще дорого! Мне...

Человек с блокнотом (*подходит к ней слева, если смотреть из зала; толпа устремляется за ним*). Эй! Хватит! Хватит! Кто тебя трогает, чудачка? Кто я, по-твоему?

Посторонний. Все нормально, он джентльмен: по башмакам видать. (*Объясняет человеку с блокнотом.*) Она решила, что вы накатчик, сэр.

Человек с блокнотом (*с живым интересом*). Кто такой накатчик?

Посторонний (*затрудняясь дать определение*). Накатчик – он и есть накатчик. А как еще скажешь? Шпик вроде.

Цветочница (*по-прежнему истериически*). Христом-богом клянусь, я ничего не делала...

Человек с блокнотом (*властно, но беззлобно*). Да помолчи ты. Помолчи. Я что, похож на полицейского?

Цветочница (*все еще в сомнениях*). А чего тогда записывали? Может, вы там все перебрали? Покажите, чего там написано. (*Человек раскрывает блокнот и держит его прямо у нее перед носом, не давая любопытным, пытающимся заглянуть туда через его плечи, спихнуть себя с места.*) Что такое? Не пойму. Как это читать-то?

Человек с блокнотом. Очень просто. (*Читает, в точности копируя ее произношение.*) «Выше голову, капитан; купите цветок у бедной девушки».

Цветочница (*в полном расстройстве*). Это потому, что я его капитаном назвала! А чего тут такого? (*Джентльмену.*) Сэр, пожалуйста, не дайте ему забрать меня в тюрьму. Вы...

Джентльмен. В тюрьму? Какая еще тюрьма! (*Человеку с блокнотом.*) Если вы сыщик, сэр, не надо защищать меня, пока я сам об этом не попрошу. Девушка не сделала ничего дурного, это всякому видно.

Толпа (*выражая общее возмущение полицейскими, которые повсюду суют свой нос*). Ясное дело. А вам-то что? Нечего лезть, куда не просят. Он небось в начальники метит. Запи-

сывает тут! Что она ему сделала? Ну, сказала два слова. Уж и от дождя не спрячешься! – и т. д., и т. п. (*Самые сердобольные провожают ее обратно к цоколю, она усаживается на него и пытается прийти в себя.*)

Посторонний. Да он не шпик. Просто нос сует куда не надо. Говорю же, гляньте на его башмаки!

Человек с блокнотом (*оборачиваясь к нему, добродушно*). Как поживает ваша родня в Селси?

Посторонний (*подозрительно*). А почему вы знаете, что я из Селси?

Человек с блокнотом. Неважно. Я ведь прав. (*Цветочница.*) А тебя зачем понесло на восток? Жила бы в своем Лиссон-Гроув.

Цветочница (*испуганно*). А чего, нельзя, что ли? Жилье там хлев хлевом, а четыре с полтиной в неделю им плати. (*Ударяясь в слезы.*) У-у-у-у!

Человек с блокнотом. Да живи где хочешь, только не вопи.

Джентльмен (*цветочнице*). Ну, ну! Не тронет он вас; вы имеете право жить, где хотите.

Шутник (*вклиниваясь между джентльменом и человеком с блокнотом*). Хоть на Парк-лейн. Готов обсудить с тобой жилищный вопрос.

Цветочница (*погрузившись в глубокое уныние над своей корзиной, говорит безнадежным тоном сама с собой*). Я честная девушка.

Шутник (*больше не обращая на нее внимания*). Ну, а я откуда – можете сказать?

Человек с блокнотом (*быстро*). Из Хокстона.

Раздаются смехи. Обищий интерес к трюкам человека с блокнотом возрастает.

Шутник (*изумленно*). Ничего себе! Во дает! Все знает.

Цветочница (*все еще лелея свою обиду*). Пусть не цепляются. Кто им право давал?

Посторонний (*ей*). Никто не давал. Ты его не бойся. (*Человеку с блокнотом.*) Вот что: какое вы имеете право знать всякие вещи о людях, которые вам этого, между прочим, не позволяли?

Цветочница. Пусть болтают что хотят. Я их знать не желаю.

Посторонний. Мы вам что, грязь под ногами, да? С джентльменом небось вольничать боитесь!

Шутник. Во-во. Скажите ему, где он бывал, ежели вы такой догадливый.

Человек с блокнотом. В Челтнеме, Харроу, Кембридже и Индии.

Джентльмен. Совершенно верно.

Обищий смех. Реакция в пользу человека с блокнотом. Восклицания: «Все знает! Прямо так ему и сказал! Слыхали, как он его определил, а?» – и т. д.

Джентльмен. Позвольте спросить, сэр, вы не из цирка?

Человек с блокнотом. Да нет. Может, когда-нибудь и наймусь.

Дождь кончился. Толпа постепенно начинает рассеиваться.

Цветочница (*огорченная переменой общественного мнения*). Так джентльмены не поступают, вот что. Оскорблять честную девушку!

Дочь (*потеряв терпение, проталкивается вперед и оттесняет джентльмена, который вежливо уступает ей, становясь по другую сторону колонны*). Куда Фредди пропал? Не хватало еще заработать пневмонию на этом сквозняке!

Человек с блокнотом (*себе под нос, подметив, как она произнесла слово «пневмония», и занеся в блокнот очередную пометку*). Эрлскорт.

Дочь (*свирепо*). Придержите язык, господин хороший.

Человек с блокнотом. Я что, вслух сказал? Простите. Я не хотел. А матушка ваша, конечно, из Эпсома.

Мать (*шагнув вперед и став между дочерью и человеком с блокнотом*). Вот чудеса! Я выросла в Ларджледи-Парк, под Эпсомом.

Человек с блокнотом (*в буйном восторге*). Ха-ха! Ну и названьице, черт побери! Извините. (*Дочери.*) Так вам нужно такси?

Дочь. Не приставайте ко мне.

Мать. Прошу тебя, Клара! (*В ответ дочь сердито пожимает плечами и надменно отходит в сторону.*) Если бы вы нашли нам такси, сэр, мы были бы очень благодарны. (*Человек с блокнотом извлекает из кармана свисток.*) Спасибо вам большое! (*Присоединяется к дочери.*)

Человек с блокнотом пронзительно свистит.

Шутник. Ага! Говорил я вам, он легавый в штатском.

Посторонний. Это не полицейский свисток, а спортивный.

Цветочница (*упорно не желая успокаиваться*). Чего он на меня напраслину возводит! Раз я не леди, так клепать можно?

Человек с блокнотом. Может, вы не заметили, но дождь-то уже давно кончился.

Посторонний. Верно. Что ж вы молчали? Слушаем тут вашу чепуху! (*Уходит в сторону Стрэнда.*)

Шутник. Я знаю, откуда вы сбежали. С Бедлама. Чешите-ка обратно.

Человек с блокнотом (*с готовностью поправляет*). Из Бедлама.

Шутник (*саркастически*). Спасибо, дяденька. Ха-ха! Всего хорошего. (*С издевательской вежливостью дотрагивается до шляпы и удаляется.*)

Цветочница. Пугают тут людей! Самих бы так!

Мать. Ну вот, Клара. Можно идти на автобус. Пойдем. (*Подбирает юбки, чтобы не замочить подол, и спешит в направлении Стрэнда.*)

Дочь. Но ведь такси... (*Ее мать уже не слышит.*) Ох, Боже мой! (*Сердито идет следом.*)

Все остальные тоже разошлись; остались лишь человек с блокнотом, джентльмен и цветочница, которая сидит, поправляя цветы в корзине и недовольно бормоча себе под нос.

Цветочница. Бедная я, бедная. И так жизнь собачья, да еще пристают всякие.

Джентльмен (*возвращаясь на свое прежнее место по левую руку от человека с блокнотом*). Позвольте спросить, как вам это удастся?

Человек с блокнотом. Ничего сложного – просто фонетика. Произношение. Это моя профессия и хобби тоже. Мне повезло, что они совпали! Вы можете узнать по выговору ирландца или йоркширца. А я могу определить, откуда человек, с точностью до шести миль. А в Лондоне – до двух. Иногда и улицу назову.

Цветочница. Постыдились бы, трус несчастный!

Джентльмен. Неужели этим и заработать можно?

Человек с блокнотом. О да. И неплохо. Нынче век выскочек. Люди начинают с восьмидесяти фунтов в год где-нибудь в Кентиш-тауне, а кончают на Парк-лейн с доходом в сто тысяч. Они хотят забыть свое прошлое, но выдают себя, едва открыв рот. А я могу научить их...

Цветочница. Чего он сует нос в чужие дела и не может оставить бедную девушку в...

Человек с блокнотом (*взрывается*). Слушай, ты прекрати здесь бубнить или ищи крышу над головой в другом месте.

Цветочница (*неуверенно огрызается*). Сами ищите, а я тоже право имею!

Человек с блокнотом. Женщина, которая издает такие мерзкие, отвратительные звуки, вообще не имеет права жить на свете. Ты же человек, у тебя есть душа и божественный дар членораздельной речи: твой родной язык – это язык Шекспира, Мильтона и Библии, а ты тут гундосишь, как больной голубь!

Цветочница (*явно глубоко потрясенная, исподлобья глядя на него со смесью вызова и изумления*). А-а-а-у-у-у!

Человек с блокнотом (*выхватывая блокнот*). Боже! Ну и звуки! (*Пишет; затем отстраняет от себя блокнот и читает, в точности воспроизводя услышанное.*) А-а-а-а-у-у-у!

Цветочница (*польщенная представлением, смеясь помимо воли*). Да отстаньте вы от меня!

Человек с блокнотом. Видите это убожество с ее уличным английским: она всю жизнь не вылезет из канавы. Так вот, сэр, через три месяца на великосветском приеме она у меня сошла бы за герцогиню. Мало того – она даже могла бы устроиться в горничные или в хороший магазин продавщицей, а для этого нужен язык получше.

Цветочница. Чего-чего?

Человек с блокнотом. Да-да, жалкая гнилая кочерыжка, бельмо на глазу у порядочных людей, живое оскорбление нашему языку – я мог бы выдать тебя за царицу Савскую. (*Джентльмену.*) Что, не верите?

Джентльмен. Нет, почему же. Я сам изучаю индийские диалекты, и...

Человек с блокнотом (*жадно*). Правда? Вы случайно не знакомы с полковником Пикерингом, автором книги об устном санскрите?

Джентльмен. Это я и есть. А вы кто?

Человек с блокнотом. Генри Хиггинс, автор Универсального алфавита Хиггинса.

Пикеринг (*с восторгом*). Я приехал из Индии, чтобы увидеться с вами!

Хиггинс. А я собирался в Индию, чтобы познакомиться с вами!

Пикеринг. Где вы живете?

Хиггинс. На Уимпол-стрит, 27-А. Приходите ко мне завтра.

Пикеринг. А я в «Карлтоне». Пойдемте перекусим вместе.

Хиггинс. Это мысль.

Цветочница (*Пикерингу, когда тот проходит мимо*). Купите цветочек, добрый господин. Мне за жилье платить нечем.

Пикеринг. Сожалею, но у меня нет мелочи. Простите. (*Уходит.*)

Хиггинс (*потрясенный криводушием цветочницы*). Лгунья. Ты же говорила, что можешь разменять полкроны!

Цветочница (*поднимается, в негодовании*). А вас кто за язык тянет? (*Швыряет корзину ему под ноги.*) Вот, забирайте всю корзину за шесть пенсов.

Часы бьют вторую четверть.

Хиггинс (*услышав в этом глас Божий, упрекающий его за фарисейский недостаток чуткости по отношению к цветочнице*). Ближнего надо жалеть. (*Торжественно приподнимает шляпу, затем кидает в корзину горсть монет и идет догонять Пикеринга.*)

Цветочница (*достает из корзины полкроны*). А-а-у! (*Достает пару флоринов.*) А-а-а-у! (*Достает еще несколько монет.*) А-а-а-а-у! (*Достает полсоверена.*) А-а-а-а-а-у!!!

Фредди (*выскакивает из такси*). Наконец-то поймал. Эй! (*Цветочнице.*) А куда делись две леди?

Цветочница. Пошли на автобус, когда дождь кончился.

Фредди. А меня бросили с этим такси! Тьфу, черт!

Цветочница (*с достоинством*). Спокойно, молодой человек. Я его беру. (*Величественно шествует к такси. Шофер перегибается назад и держит дверцу, не давая ей сесть. Отлично понимая причину его недоверия, она показывает ему горсть монет.*) Такси – это для меня не расход, Чарли. (*Он ухмыляется и распахивает дверцу.*) А как насчет корзины?

Таксист. Давай ее сюда. Два пенса сверху.

Лиза. Нет – я не хочу, чтоб ее видели. (*Запихивает корзину поглубже назад и забирается в машину сама, продолжая разговор через окно.*) Пока, Фредди!

Фредди (*ошеломленно приподнимая шляпу*). Пока.

Таксист. Куда?

Лиза. В Бекнегемский дворец.

Таксист. То есть как это – во дворец?

Лиза. Чего, не знаешь, где он? В Грин-парке, где король живет. Пока, Фредди. Можете тут не торчать, я уезжаю. Пока.

Фредди. До свиданья. (*Уходит.*)

Таксист. Эй! Чего это ты насчет Бекенгемского дворца-то? На кой тебе в Бекенгемский дворец?

Лиза. Да не нужен он мне. Я просто не хотела при нем говорить, куда мне на самом деле. Отвези-ка меня домой.

Таксист. Это куда?

Лиза. Эйнджел-Корт, Друри-лейн, рядом с керосиновой лавкой Мейклджона.

Таксист. Вот это больше похоже на правду, подружка. (*Отъезжает.*)

* * *

Давайте проследуем за такси до въезда на Эйнджел-Корт, узкой арки между двумя лавками – одна из них и есть керосиновая лавка Мейклджона. Когда машина останавливается, Элиза выходит и вытаскивает за собой корзину.

Лиза. Сколько?

Таксист (*указывая на счетчик*). Не видишь, что ли? Шиллинг.

Лиза. Шиллинг за две минуты!!

Таксист. Две или десять, нам без разницы.

Лиза. Ну, а по-моему, это нечестно.

Таксист. Ты раньше хоть раз на такси ездила?

Лиза (*надменно*). Столько много раз, что и со счету сбилась, молодой человек.

Таксист (*со смехом*). Ну, ты даешь, подружка! Оставь себе шиллинг, чтоб тебе жить богато. Удачи! (*Уезжает.*)

Лиза (*оскорбленно*). Нахал!

Взяв корзину, она бредет с ней по переулку в свое жилище; это очень маленькая комнатка с обоями, отставшими от стен в сырых местах. Разбитое стекло в окне заклеено бумагой. На стене висят вырванные из журналов картинки – портрет популярного актера и иллюстрация с модными дамскими платьями, которые явно не по карману бедной Элизе. В окне птичья клетка, но ее обитатель давно почил; ее берегут только как память.

Этим исчерпывается все, что можно назвать излишествами; прочее представляет собой тот минимум, без коего не могут обойтись даже бедняки. Это жалкая кровать с наваленным на нее тряпьем, хоть как-то способным удерживать тепло, накрытый куском ткани ящик с тазиком и кувшином на нем и маленьким зеркальцем над ним, кухонный стол и стул, выброшенные на свалку какими-нибудь мещанами среднего достатка, и американский будильник на полке над камином, которым давно не пользовались; все это освещается газовым рожком с прорезью для монеток. Арендная плата – четыре шиллинга в неделю.

Несмотря на свою хроническую усталость, Элиза слишком возбуждена, чтобы лечь спать; она садится, пересчитывает неожиданно обрушившиеся на нее богатства, предается мечтам и строит планы на будущее, покуда не гаснет свет. Она наслаждается непривычным сознанием того, что может опустить в прорезь пенни, не сожалея о столь крупной трате. Впрочем, давно укоренившаяся привычка к экономии берет верх над этой внезапной тягой к расточительности:

Элиза понимает, что мечтать в постели теплее и к тому же обойдется дешевле, нежели сидение за столом у нетопленного камина. Сбросив с себя шаль и юбку, она добавляет их к груде тряпок, служащих ей одеялом. Потом скидывает ботинки и, завершив таким образом свой вечерний туалет, залезает в постель.

Действие второе

11 часов утра следующего дня в кабинете Хиггинса. Это комната на втором этаже с окнами на улицу, бывшая гостиная. Посреди задней стены расположены двойные двери; те, кто оттуда появляется, видят по правую руку от себя два высоких картотечных шкафа, стоящих у стен под прямым углом друг к другу. В этом же углу находится письменный стол, на нем – фонограф, ларингоскоп, ряд миниатюрных органных труб с мехами, набор ламповых стекол с горелками (так называемая химическая гармоника), к которым тянется от газового вентиля в стене каучуковый шланг, несколько камертонов разного калибра, половина человеческой головы в натуральную величину, показывающая органы речи в разрезе, и коробка с валиками для фонографа.

Еще дальше от входа расположен камин; около него, со стороны, ближней к дверям, стоят удобное кожаное кресло и ведро для угля. На каминной полке – часы. Между рабочим местом хозяина и камином есть еще журнальный столик.

По другую сторону от центрального входа, слева от посетителя, тумба с неглубокими ящиками, на ней телефон и телефонный справочник. Соседний угол и большая часть боковой стены заняты роялем, обращенным задней частью к дверям; перед ним стоит скамья во всю длину клавиатуры. На крышке рояля красуется блюдо с горой фруктов и сладостей, в основном шоколадок.

Середина комнаты свободна. Кроме скамьи у рояля, кресла и двух стульев у стола с фонографом, здесь имеется еще один стул, у камина. На стенах висят гравюры – Пиранези и портреты меццо-тинто. Картин нет.

За столом сидит Пикеринг; он кладет на него карточки и камертон, которыми только что пользовался. Хиггинс над ним, закрывает два-три выдвинутых картотечных ящика. В утреннем свете обнаруживается, что это крепкий, живой, довольно привлекательный мужчина лет сорока; на нем профессионального вида черный сюртук, белый полотняный воротничок и черный шелковый галстук. Он производит впечатление энергичного ученого, который питает искренний и даже страстный интерес ко всему, что может служить предметом научного исследования, и полностью равнодушен к себе и окружающим, включая их чувства. По сути говоря, если не учитывать его годы и физические размеры, это типичный импульсивный ребенок, громко и азартно объявляющий о том, что привлекает его внимание, и требующий от посторонних немалых усилий по ограждению его от случайных неприятностей. Его поведение меняется от добродушно-ироничного, когда он в хорошем расположении духа, до вспышек брюзгливого раздражения, когда что-нибудь идет не так; однако он столь прямодушен и беззлобен, что не вызывает отталкивания даже в те минуты, когда способность рассуждать здраво вовсе его покидает.

Хиггинс (*задвигая последний ящик*). Ну вот, кажется, все показал.

Пикеринг. Потрясающе! Я и половины пока не переварил.

Хиггинс. Может, пройдемся еще разок?

Пикеринг (*поднимается, подходит к камину и становится спиной к нему*). Нет-нет, благодарю вас – не теперь. На сегодняшнее утро довольно.

Хиггинс (*следует за ним и останавливается по его левую руку*). Устали слушать звуки?

Пикеринг. Да. Это огромное напряжение. Раньше я гордился тем, что могу произнести двадцать четыре различных гласных звука, но куда мне до ваших ста тридцати! Многие из них для меня неразличимы.

Хиггинс (*посмеиваясь, направляется к роялю, чтобы взять сладкого*). Это вопрос практики. Поначалу разницы не слышно, но потом обнаруживаешь, что они такие же разные, как А и Б.

В дверь заглядывает Миссис Пирс, экономка Хиггинса.

В чем дело?

Миссис Пирс (*помедлив, явно весьма озадаченная*). К вам молодая женщина, сэр.

Хиггинс. Женщина! Что ей нужно?

Миссис Пирс. Она говорит, вы очень обрадуетесь, когда узнаете, зачем она здесь, сэр. Но она из простых. Совсем из простых. Я бы ее не пустила, но подумала, вдруг вы пригласили ее, чтобы поговорить в ваши машинки. Надеюсь, я правильно поступила – к вам ведь иногда такие странные люди ходят, уж извините меня, сэр...

Хиггинс. Все в порядке, миссис Пирс. У нее интересный выговор?

Миссис Пирс. Ужасный, сэр. Как это может нравиться, я прямо в толк не возьму.

Хиггинс (*Пикерингу*). Давайте посмотрим. Зовите ее сюда, миссис Пирс. (*Бросается к столу и берет новый валик для фонографа.*)

Миссис Пирс (*с сомнением*). Что ж, сэр. Дело ваше. (*Уходит.*)

Хиггинс. Надо же, как повезло. Увидите, как я делаю записи. Она будет говорить, я зарисую это знаками по системе Белла, потом латиницей по другой системе, а потом запишем ее на фонограф, и сможете слушать сколько хотите, с блокнотом перед глазами.

Миссис Пирс (*возвращается*). Вот эта женщина, сэр.

Входит Цветочница в парадном одеянии. На ней шляпка с тремя страусовыми перьями – оранжевым, небесно-голубым и красным. Передник практически чист, потрепанное пальтишко тоже выглядит более или менее пристойно. Вид этой жалкой фигуры с ее наивным тщеславием и беспочвенным самодовольством трогает Пикеринга, который уже подтянулся в присутствии миссис Пирс. Что же до Хиггинса, то единственное отличие в его реакции на мужчин и женщин состоит в том, что в промежутках между язвительными насмешками и сетованиями на какое-нибудь игрушечное бремя он утешивает женщин, словно ребенок – няньку, от которой ему хочется чего-то добиться.

Хиггинс (*бесцеремонно, с неприкрытым разочарованием, которое тут же превращается у него в детскую обиду на весь свет*). Тьфу ты! Эту я уже записал вчера вечером. Ничего интересного: диалекта Лиссон-Гроув у меня сколько угодно, на нее и валик жалко тратить. (*Девушке.*) Ступай; ты мне не нужна.

Цветочница. А вы не грубите, не узнавши, зачем я пришла. (*Обращается к миссис Пирс, которая стоит у двери в ожидании дальнейших распоряжений.*) Вы сказали, что я приехала на такси?

Миссис Пирс. Что за чушь! По-твоему, мистеру Хиггинсу это не все равно?

Цветочница. Какие мы гордые! А сам всего-то уроки дает – слыхала я. Ладно, я не кланяться пришла; а ежели мои деньги вам не нравятся, так я пойду в другое место.

Хиггинс. Твои деньги?

Цветочница. Да! Теперь вам ясно? Я хочу брать уроки. И платить за них, не сомневайтесь.

Хиггинс (*изумленно*). Ну и ну! (*Делает глубокий вдох, чтобы прийти в себя.*) И что я, по-твоему, должен на это сказать?

Цветочница. Были бы джентльменом, так пригласили бы сесть. Я ж сказала, что пришла по делу.

Хиггинс. Пикеринг! Как по-вашему, пусть эта половая тряпка сядет или вышвырнем ее из окна?

Цветочница (*в ужасе отбегает к роялю и оборачивается, готовая обороняться*). А-а-а-а-у-у-у! (*Уязвленно, хнычущим голосом.*) Нечего обзывать, раз я плачу, как леди.

Мужчины ошеломленно смотрят на нее с другого конца комнаты.

Пикеринг (*мягко*). Но чего вы хотите, дорогая моя?

Цветочница. Хочу продавать цветы, как леди, – в магазине, а не на углу Тоттнем-Корт-роуд. Но меня не возьмут туда, пока не буду говорить по-благородному. А он этому учит. Я деньги предлагаю, а не милостыни прошу... а он обзывается.

Миссис Пирс. С чего ты взяла, дурья твоя голова, что сможешь заплатить мистеру Хиггину?

Цветочница. А чего тут? Я цены знаю, и деньги у меня есть.

Хиггинс. Сколько же?

Цветочница (*подходя обратно, торжествующе*). Вот это другой разговор! Я так и знала, что вы захотите вернуть малость от того, что вчера мне кинули. (*С дружеской фамиллярностью.*) Перебрали небось, да?

Хиггинс (*повелительно*). Садись.

Цветочница. Ну, ежели вам угодно...

Хиггинс (*громовым голосом*). А ну, сесть!

Миссис Пирс (*сурово*). Ясно тебе? Делай как сказано.

Цветочница. А-а-а-у-у-у! (*По-прежнему стоит, отчасти в знак протеста, отчасти из нерешительности.*)

Пикеринг (*очень вежливо*). Будьте добры, сядьте. (*Берет стул у камина и ставит его между собой и Хиггинсом.*)

Цветочница (*жесманно*). Чего ж, можно. (*Садится. Пикеринг возвращается на коврик перед камином.*)

Хиггинс. Как тебя звать?

Цветочница. Лиза Дулитл.

Хиггинс (*серьезно декламирует*).

Элиза, Элизабет, Бетси и Бесс
Однажды все вместе отправились в лес.

Пикеринг. И все по грибку под сосною нашли.

Хиггинс. Там было четыре, осталось лишь три.

Они от души смеются над своей шуткой.

Лиза. Да хватит вам дурить.

Миссис Пирс (*подойдя сзади к Лизинему стулу*). Так с джентльменами не разговаривают.

Лиза. А чего он не говорит толком?

Хиггинс. Ладно, к делу. Сколько ты предлагаешь мне за уроки?

Лиза. Мы цены знаем. Моя знакомая леди учится у настоящего француза за полтора шиллинга в час. Но это французскому, а за мой родной язык вы ж столько не сдерете; так что даю шиллинг. Хотите берите, хотите нет.

Хиггинс (*шагает взад-вперед по комнате, брэнча монетами и ключами в кармане*). Пикеринг, если смотреть на этот шиллинг не как на обычный шиллинг, а как на долю от ее дохода, это все равно что шестьдесят или семьдесят гиней из рук миллионера.

Пикеринг. Как это?

Хиггинс. Вот смотрите. Доход миллионера – сотни полторы фунтов в день. А у нее полкроны.

Лиза (*высокомерно*). Кто вам сказал, что у меня только...

Хиггинс (*продолжает*). Она предлагает за урок две пятых своего дневного дохода. Для миллионера это было бы около шестидесяти фунтов. Недурно. Да это бешеные деньги! Мне в жизни столько не предлагали.

Ли́за (*поднимаясь, в ужасе*). Шестидесят фунтов! О чем это вы? Я вам столько не предлагала. Да где мне взять...

Хиггинс. А ты помалкивай.

Ли́за (*плачет*). Нету у меня шестидесят фунтов. О-о...

Миссис Пирс. Не реви, глупая. Сядь. Никто твоих денег не трогает.

Хиггинс. Зато тебя саму сейчас тронут, метлой по спине, если не перестанешь хныкать. Сядь.

Ли́за (*не сразу, но подчиняется*). А-а-а-у-у-у! Тоже мне, папаша нашелся.

Хиггинс. Если я за тебя возьмусь, я тебе буду и папой, и мамой. На! (*Протягивает ей свой шелковый платок.*)

Ли́за. Это еще зачем?

Хиггинс. Вытри глаза. И щеки. И запомни: вот платок, а вот твой рукав. Не путай одно с другим, если хочешь стать настоящей леди и торговать в магазине.

Ли́за, в полном недоумении, беспомощно таращится на него.

Миссис Пирс. Да что с ней говорить, мистер Хиггинс; она вас не понимает. А платок ей ни к чему: она все равно не знает, что с ним делать. (*Забирает платок.*)

Ли́за (*выхватывает у нее платок*). Эй! А ну, отдайте. Это мне дали, а не вам.

Пикеринг (*смеясь*). Правда. Теперь это ее собственность, миссис Пирс.

Миссис Пирс (*уступая*). Ну что ж, сами виноваты, мистер **Хиггинс**.

Пикеринг. Это любопытно, **Хиггинс**. Как насчет великосветского приема? Если сделаете, я склоню перед вами голову и признаю вас самым гениальным учителем на свете. Но держу пари, что у вас ничего не выйдет, а если проиграю, готов оплатить все ваши расходы на это дело. Вместе с уроками.

Ли́за. Экий вы добренький. Спасибо, капитан.

Хиггинс (*смотрит на нее, размышляя, поддаться ли соблазну*). Очень заманчиво. Она такая примитивная... дитя помойки...

Ли́за (*бурно протестует*). А-а-а-а-у-у-у-у! Какой еще помойки – я руки мыла и лицо тоже.

Пикеринг. Да уж, комплиментами вы ей голову не вскружите.

Миссис Пирс (*забеспокоившись*). Знаете, сэр, девушке легко вскружить голову; а мистер Хиггинс может сделать это мигом, сам того не заметив. Надеюсь, вы не будете подбивать его на всякие глупости.

Хиггинс (*идея все больше приходится ему по вкусу*). Что есть жизнь, как не ряд вдохновенных глупостей? Но совершать их не так уж легко. Главное – не упустить шанс, а он дается не каждый день. Я сделаю из этой драной кошки герцогиню.

Ли́за (*решительно возражая против такой характеристики*). А-а-а-у-у-у!

Хиггинс (*увлеченно*). Да – через каких-нибудь полгода, а то и через три месяца, если у нее хороший слух и гибкий язык, я выдам ее за кого угодно, и никто ничего не заметит. Начнем сегодня же – сейчас же, сию минуту! Возьмите ее и отмойте хорошенько, миссис Пирс. С песочком, если грязь иначе не отойдет. Печь в кухне растоплена?

Миссис Пирс (*протестующе*). Да, но...

Хиггинс (*напористо*). Снимите с нее одежду и сожгите. Позвоните в универмаг Уайтли или еще куда-нибудь, добудьте новую. А пока заверните ее в оберточную бумагу.

Ли́за. Вы не джентльмен, вот что я скажу. Я девушка честная, а вас знаю как облупленных.

Хиггинс. Хватит нести ахинею и изображать недотрогу, понятно тебе? Ты у меня станешь герцогиней. Забирайте ее, миссис Пирс. А будет пиццать – всыпьте хорошенько.

Лиза (*вскакивая и прячась за Пикеринга и миссис Пирс*). Эй-эй! Я полицию вызову.

Миссис Пирс. Но у нас нет места – куда я ее дену?

Хиггинс. Хоть в мусорное ведро.

Лиза. А-а-а-у-у-у!

Пикеринг. Хиггинс! Это уж слишком.

Миссис Пирс (*решительно*). Напрасно вы так, мистер Хиггинс; ей-богу, напрасно. Нельзя так всех оскорблять.

Осаженный таким образом Хиггинс несколько умеряет свой пыл. За ураганом следует легкий бриз добродушного удивления.

Хиггинс (*с профессиональной точностью выбирая интонацию*). Это я-то всех оскорбляю! Моя дорогая миссис Пирс, мой дорогой Пикеринг, у меня и в мыслях этого не было. Мне просто жаль эту бедную девушку. Надо помочь ей начать новую жизнь. Если я выразился недостаточно ясно, то лишь потому, что не хотел задевать ничьи чувства, ее или ваши.

Успокоенная Лиза украдкой возвращается на свой стул.

Миссис Пирс (*Пикерингу*). Слышали вы хоть раз в жизни что-нибудь подобное, сэр?

Пикеринг (*смеясь от души*). Нет, миссис Пирс. Никогда.

Хиггинс (*терпеливо*). Ну, в чем еще дело?

Миссис Пирс. А в том, сэр, что нельзя подбирать девушку просто так, словно гальку на пляже.

Хиггинс. Почему это?

Миссис Пирс. Почему! Вы ведь ее совсем не знаете. А ее родители? А если она замужем?

Лиза. Как же!

Хиггинс. Вот именно! Как же! Замужем! Вы что, не знаете, что через год после свадьбы женщины этого класса выглядят лет на пятьдесят?

Лиза. Да кто меня возьмет?

Хиггинс (*низким бархатным голосом, выбирая самые выразительные модуляции из своего богатого арсенала*). Клянусь, Элиза, через месяц-другой ты будешь ступать по телам мужчин, застрелившихся из-за тебя.

Миссис Пирс. Чепуха, сэр. Ну что вы ей обещаете?

Лиза (*поднимаясь и расправляя плечи, довольно твердо*). Я уйду. Он спятил. Не буду я учиться у психа.

Хиггинс (*глубоко уязвленный тем, что его красноречие на нее не подействовало*). Ах, так? Значит, я спятил? Прекрасно. Миссис Пирс – новая одежда отменяется. Гоните ее прочь.

Лиза (*хнычет*). Чего это? Не имеете права меня трогать.

Миссис Пирс. Вот что значит дерзить. (*Показывает на дверь*.) Сюда, пожалуйста.

Лиза (*на грани слез*). Не надо мне вашей одежды. Я и не взяла бы. (*Бросает платок*.) Сама могу купить.

Хиггинс (*ловко подхватывает платок и преграждает ей путь к двери, куда она неохотно движется*). Какая черная неблагодарность! Это за мое желание вытащить тебя из грязи, одеть красиво и сделать из тебя леди.

Миссис Пирс. Ну хватит, мистер Хиггинс. Довольно. Посмотрели бы на себя со стороны. Иди к родителям, милая, и скажи им, чтобы получше за тобой приглядывали.

Лиза. Нет у меня родителей. Они меня выгнали – сказали, большая уже, сама как-нибудь прокормишься.

Миссис Пирс. Где твоя мать?

Лиза. Нет у меня матери. Которая выгнала, была мачеха, шестая уже. Но я и без них обойдусь. Я девушка честная.

Хиггинс. Ну что, стоило поднимать шум? Эта девица ничья – никому она даром не нужна, кроме меня. *(Подходит к миссис Пирс и начинает ее уговаривать.)* Вы ведь можете удочерить ее, миссис Пирс, – она будет вас развлекать. А теперь хватит. Ведите ее вниз, и...

Миссис Пирс. Но что с ней будет? Ей же нужно хоть сколько-нибудь платить? Подумайте наконец, сэр.

Хиггинс. Ну, заплатите сколько надо: включите это в расходы по дому. *(Нетерпеливо.)* Да на кой ляд ей деньги? Кормить ее будут, одевать тоже. А деньги она все равно пропьет.

Лиза *(вспыхивает)*. Какой же вы нахал! Это вранье, я капли в рот не беру. *(Пикерингу.)* Пожалуйста, сэр! Вы джентльмен – скажите ему, чтоб не грубил.

Пикеринг *(тоном добродушного увещания)*. Вы понимаете, Хиггинс, что девушка тоже может обидеться?

Хиггинс *(критически озирая ее)*. Да ну? Что вы говорите. *(Весело.)* Ты правда можешь, Элиза?

Лиза. А чего мы, хуже вас, что ли?

Хиггинс *(Пикерингу, задумчиво)*. Замечаете трудность?

Пикеринг. А? Какую трудность?

Хиггинс. Придется учить грамотной речи. Не только произношению.

Лиза. Не надо мне вашей грамотной речи. Хочу говорить, как леди в магазине.

Миссис Пирс. Пожалуйста, не отвлекайтесь, мистер Хиггинс! Я хочу знать, на каких условиях вы собираетесь поселить здесь эту девушку. Будет ли она получать жалованье? И что станет с ней после того, как вы закончите ее обучение? Надо же немножко подумать о будущем.

Хиггинс *(нетерпеливо)*. А что с ней станет, если мы выкинем ее обратно в канаву? Ответьте-ка, миссис Пирс.

Миссис Пирс. Это уже ее дело, а не ваше, мистер **Хиггинс**.

Хиггинс. Ну хорошо, когда я закончу, пускай отправляется обратно в канаву и сама разбирается там со своими делами.

Лиза. Бездушный вы человек, вот что! Вам наплевать на всех, кроме себя! *(Решительно поднимается с места.)* Ладно! Хватит с меня. Я уйду. *(Шагает к двери.)* А вы постыдились бы, вот.

Хиггинс *(хватает с рояля шоколадную конфету, и в его глазах вдруг загораются лукавые огоньки)*. Съешь конфетку, Элиза.

Лиза *(останавливается, борясь с соблазном)*. Почему я знаю, что там внутри? Такие, как вы, и отравить могут.

Хиггинс мигом достает перочинный ножик, разрезает конфету пополам, одну половину сует себе в рот и проглатывает, а другую протягивает ей.

Хиггинс. Смотри, Элиза. Одну половину мне, другую тебе. *(Лиза открывает рот, чтобы возразить, и он запихивает туда полконфеты.)* Ты будешь есть их коробками, ящиками, каждый день. Одни конфеты круглые сутки. Ну как?

Лиза *(чуть не подавившись, но в конце концов проглотив конфету)*. Просто я не так воспитана, чтобы выплевывать.

Хиггинс. Слушай, Элиза. Ты приехала сюда на такси, верно?

Лиза. И что с того? Имею право не меньше вашего.

Хиггинс. Согласен; и скоро ты будешь разъезжать на такси повсюду. По всему городу, куда захочется. Подумай об этом, Элиза.

Миссис Пирс. Мистер Хиггинс, вы ее искушаете. Это нехорошо. Ей нужно думать о будущем.

Хиггинс. Чушь! В ее-то годы! У нее хватит времени подумать о будущем, когда будущего не останется. Нет, Элиза, бери пример с этой леди: думай о будущем других людей, но никогда – о своем. Думай о конфетах и такси, о золоте и бриллиантах.

Лиза. Не надо мне ваших бриллиантов. Я девушка честная. *(Снова садится с надменным видом.)*

Хиггинс. И останешься ею под оком миссис Пирс. И выйдешь замуж за гвардейского офицера с роскошными усами, сына маркиза, которого лишат из-за тебя наследства, но сжалются, увидев твою красоту и манеры...

Пикеринг. Простите меня, Хиггинс, но я должен вмешаться. Миссис Пирс совершенно права. Если эта девушка отдает себя в ваши руки на целых полгода, ей нужно хорошо понимать, на что она идет.

Хиггинс. Это невозможно! Она не в силах ничего понять. Кроме того, разве мы сами всегда понимаем, что делаем? А если бы понимали, разве делали бы?

Пикеринг. Очень умно, только некстати. *(Элизе.)* Мисс Дулитл...

Лиза *(растерянно)*. А-а-у-у!

Хиггинс. Вот вам. Все, на что она способна. А-а-у-у! Нечего ей объяснять. Вы же сами служили. Отдать приказ, и вся недолга. Элиза – ты будешь жить здесь полгода, учиться говорить красиво, как леди из цветочного магазина. Если будешь слушаться и делать все, что велют, тебе отведут хорошую комнату, будут кормить до отвала и давать деньги на такси и конфеты. А если станешь лениться, отправят на кухню к тараканам и будут лупить метлой. Через полгода ты наденешь красивое платье, сядешь в карету и поедешь в Букингемский дворец. Если король догадается, что ты не леди, тебя заберут в тюрьму и отрубят тебе голову, чтобы другим нахальным цветочницам было неповадно. А если не догадается, я дам тебе семь с половиной шиллингов, чтобы ты могла начать новую жизнь за прилавком. Если ты откажешься от такого великодушного предложения, это будет черной неблагодарностью с твоей стороны, и Бог отвернется от тебя. *(Пикерингу.)* Ну что, довольны, Пикеринг? *(Миссис Пирс.)* Может, я что-нибудь забыл, миссис Пирс?

Миссис Пирс *(терпеливо)*. Думаю, я лучше поговорю с девушкой наедине. Я пока не уверена, что возьмусь ее опекать, и вообще, у меня еще много сомнений. Конечно, я знаю, что вы ей зла не желаете, но вам ведь только одно интересно: какое у людей произношение. Наслушаетесь, наиграетесь, а там хоть трава не расти. Пойдем, Элиза.

Хиггинс. Ну слава Богу. Спасибо, миссис Пирс! Запихните ее в ванну.

Лиза *(неохотно, с опаской поднимается)*. Нахал вы, вот что я скажу. Если мне тут не понравится, я уйду. И никто меня лупить не будет. А в Бекнегемский дворец сами ходите. И в тюрьму меня в жизни не сажали. Я девушка честная...

Миссис Пирс. Не отвечай ему. Ты ничего не поняла. Пойдем. *(Направляется к двери и, открыв ее, ждет Элизу.)*

Лиза *(выходя)*. Нет уж, я правду говорю. Я и близко не подойду к королю, мне моя голова еще пригодится. Знала бы, и сюда б не пошла. Я всегда жила по-честному и слова ему дурного не сказала, и ничего я ему не должна, и не позволю я себя оскорблять, и обидеться могу не хуже кого другого...

Миссис Пирс затворяет дверь, и сетования Элизы обрываются.

* * *

К вящему удивлению девушки, ее ведут не в судомойню, как она ожидала, а на верхний этаж. Там миссис Пирс открывает дверь и вводит Элизу в спальню для гостей.

Миссис Пирс. Я поселю тебя здесь. Это будет твоя спальня.

Лиза. Ой, но я не смогу тут спать, честное слово. Для меня она уж больно красивая. Я тут и тронуть чего забочусь – я же покамест не герцогиня, ей-богу, мадам.

Миссис Пирс. Когда будешь такая же чистая, как эта комната, то и бояться перестанешь. И зови меня не мадам, а миссис Пирс. *(Распахивает дверь в гардеробную, переделанную под ванную.)*

Лиза. Ух ты! Это чего ж такое? Это вы тут стираете? Ну и чудной же котел, я скажу!

Миссис Пирс. Это не котел. Здесь мы моемся, Элиза, и здесь я собираюсь помыть тебя.

Лиза. Хотите, чтоб я туда залезла и намочилась с ног до головы? Ну уж нет. Да я от этого помру! Была у меня одна знакомая, которая делала так каждую субботу, а потом простудилась и померла.

Миссис Пирс. У мистера Хиггинса внизу тоже есть ванная, и он каждое утро моется там целиком холодной водой.

Лиза. Бр-р-р! Он, наверно, из железа сделан.

Миссис Пирс. Если ты хочешь брать у него уроки, тебе придется научиться принимать ванну. Ни мистер Хиггинс, ни полковник не станут с тобой встречаться, пока ты пахнешь так, как сейчас. Но воду можешь налить погорячее, какую понравится. Вот два крана – с горячей и с холодной.

Лиза *(плачет)*. Я не могу, страшно... Так нечестно – я же умру, я никогда в жизни не делала так, как вы говорите.

Миссис Пирс. Ты что, не хочешь быть чистой, аккуратной и приятно пахнуть, как леди? Не можешь же ты быть хорошей девушкой внутри, если снаружи выглядишь как грязная нищенка!

Лиза. У-у-у!

Миссис Пирс. А ну-ка прекрати реветь, иди к себе в комнату и сними с себя всю одежду. Потом наденешь вот это *(снимает с крючка халат и подает ей)* и вернешься сюда. А я пока приготовлю ванну.

Лиза *(вся в слезах)*. Не могу. Не буду. Непривычная я. Да я никогда раньше не снимала с себя всю одежду. Это неправильно! Это неприлично!

Миссис Пирс. Чушь, девочка. Разве ты не раздеваешься полностью каждый вечер, когда ложишься в постель?

Лиза *(потрясенная)*. Нет. С чего бы это? Да я простужусь и помру. Юбку-то я, конечно, снимаю.

Миссис Пирс. Ты хочешь сказать, что спишь в том нижнем белье, которое носишь днем?

Лиза. Интересное дело! А в чем же еще?

Миссис Пирс. В общем, так: пока ты здесь живешь, подобное больше не повторится. Я дам тебе нормальную ночную рубашку.

Лиза. Чтобы я переодевалась в холодное, а потом полночи стучала зубами? Нет, ей-богу, вы меня уморить хотите!

Миссис Пирс. Я хочу превратить тебя из уличной грязнухи в чистую приличную девушку, которую можно пустить в кабинет в общество джентльменов! Ты будешь доверять мне и делать, что я тебе велю, или предпочитаешь вылететь отсюда и вернуться к своей цветочной корзине?

Лиза. Но вы не знаете, как я боюсь холода. Для меня ничего хуже нету!

Миссис Пирс. У нас ты не ляжешь в холодную постель: я положу туда грелку. *(Подталкивает ее в спальню.)* Иди же, разденься наконец.

Лиза. Кабы я знала, какой это ужас – быть чистой, никогда б не пришла. Надо же было такого маху дать! Я... *(Миссис Пирс выталкивает ее в дверь, но оставляет в ней щелочку из опасения, что пленница попытается сбежать.)*

Миссис Пирс надевает белые резиновые нарукавники, наполняет ванну, смешивая холодную и горячую воду, и проверяет результат специальным термометром. Затем добавляет туда горсть ароматических солей и изрядную порцию горчицы. После этого берет устрашающего вида щетку на длинной рукояти и обильно намыливает ее душистым мылом.

Возвращается Элиза, плотно закутанная в купальный халат, – ее терзает такой ужас, что на нее больно смотреть.

Миссис Пирс. Ну-ну, давай. Снимай халат.

Лиза. Не могу, миссис Пирс. Честно, не могу. Я никогда такого не делала.

Миссис Пирс. Чушь. Вот – залезай туда и скажи, достаточно ли она теплая.

Лиза. Ай! Ой! Горячо!

Миссис Пирс *(ловко срывая с Элизы халат и укладывая ее на спину).* Ничего, не помрешь. *(Принимается орудовать щеткой.)*

Элиза испускает душераздирающие вопли.

* * *

Тем временем полковник с Хиггинсом обсуждают дальнейшую судьбу Элизы. Отойдя от камина, Пикеринг подходит к стулу и садится на него задом наперед, положив руки на спинку, с таким видом, словно собирается учинить коллеге допрос с пристрастием.

Пикеринг. Извините за прямоту, **Хиггинс.** Вы умеете держать себя в руках, когда дело касается женщины?

Хиггинс *(мрачно).* А вы когда-нибудь встречали таких умельцев?

Пикеринг. Много раз.

Хиггинс *(безапелляционно; опершись руками о фортепиано, подпрыгивает и усаживается на него).* А я вот нет. Стоит мне завести дружбу с женщиной, как она сразу становится ревливой, придирчивой, подозрительной – словом, мешает мне жить. А я превращаюсь в эгоиста и тирана. От женщин одни неприятности. Свяжешься с какой-нибудь, и она тут же начинает тянуть тебя в одну сторону, когда тебе хочется в другую.

Пикеринг. Куда же именно?

Хиггинс *(беспокойно спрыгивая с фортепиано).* Да Бог его знает! Я полагаю, что женщина хочет жить своей жизнью, а мужчина своей, и каждый пытается тащить другого не по той дорожке. Одному хочется на север, а другому на юг, и в результате оба отправляются на восток, хотя оба терпеть не могут восточного ветра. *(Садится на скамью перед фортепиано.)* Нет уж, я убежденный холостяк и надеюсь таковым остаться.

Пикеринг *(поднявшись и подойдя к нему вплотную, серьезно).* Бросьте, Хиггинс! Вы понимаете, о чем я говорю. Если я ввяжусь в это дело, то буду чувствовать себя ответственным за девушку. Надеюсь, вы не воспользуетесь ее положением.

Хиггинс. А! Вон что! Не волнуйтесь. Тут никакого риска. *(Поднимается, чтобы объяснить.)* Она станет моей ученицей, а учеба – это святое. Я обучал тому, как правильно говорить на английском, десятки американок-миллионерш, красивейших женщин в мире. Мне не привыкать. Они для меня все равно что деревяшки. Я сам все равно что деревяшка. Это...

Входит миссис Пирс. В руках у нее шляпка Элизы. Пикеринг отступает к камину и садится в кресло.

Хиггинс *(нетерпеливо).* Ну как, миссис Пирс, все в порядке?

Миссис Пирс *(на пороге).* Позвольте сказать вам два слова, мистер **Хиггинс.**

Хиггинс. Конечно. Входите. *(Она делает несколько шагов вперед.)* Не сжигайте это, пожалуйста. Пусть останется на память, как сувенир. *(Берет у нее шляпку.)*

Миссис Пирс. Прошу вас, сэр, будьте осторожнее с этой вещью. Я обещала девушке не сжигать ее, но мне кажется, ее не помешает как следует прокалить в печи.

Хиггинс (*поспешно кладет шляпку на фортепиано*). А! Благодарю вас. Так в чем дело?
Пикеринг. Я не мешаю?

Миссис Пирс. Что вы, сэр. Мистер Хиггинс – вы обещаете следить за своей речью в присутствии этой девушки?

Хиггинс (*угрюмо*). Ну да. Я всегда слежу за своей речью. К чему это вы?

Миссис Пирс (*непреклонно*). Нет, сэр, – вовсе вы не следите, особенно если ищите что-нибудь или сердитесь. Я-то привыкла. Но при девушке вам ругаться негоже.

Хиггинс (*возмущенно*). Ругаться! (*С глубокой убежденностью*.) Да я в жизни не ругался! Терпеть этого не могу. Что за чертовщину вы несете?

Миссис Пирс (*бесстрастно*). Вот-вот, сэр. Вы слишком много ругаетесь. Я-то уже давно не обращаю внимания на все эти ваши «черт возьми», да «черт побери», да «какого дьявола»...

Хиггинс. Миссис Пирс! Слышать такое из ваших уст...

Миссис Пирс (*непоколебимо*). ...но есть слово похуже, и я попросила бы вас его не проносить. Девушка только что сама употребила его, когда в ванной погас свет. Оно начинается с той же буквы, что свет. С нее-то какой спрос: она впитала этот язык вместе с молоком матери. Но вы это слово забудьте.

Хиггинс (*высокомерно*). Я в жизни не употреблял этого слова, миссис Пирс. (*Она не сводит с него пристального взгляда. Он добавляет, пряча нечистую совесть за рассудительным видом*.) Ну, может быть, только в самые тяжелые минуты, но ведь это вполне извинительно.

Миссис Пирс. Нынче утром, сэр, вы назвали этим словом свой стул, солонку и синий свитер.

Хиггинс. А! Только ради аллитерации – знаете, есть такой поэтический прием.

Миссис Пирс. Как бы там ни было, сэр, а при девушке прошу это слово не употреблять.

Хиггинс. Хорошо, хорошо. Это все?

Миссис Пирс. Нет, сэр. Нам придется научить девушку аккуратности и чистоплотности.

Хиггинс. Разумеется. Вы правы. Это очень важно.

Миссис Пирс. Чтобы она всегда была прилично одета, не разбрасывала свои вещи.

Хиггинс (*рассудительно, подходя к ней*). Вот-вот. Я сам об этом подумал. (*Двигается дальше, к Пикерингу, который слушает их разговор с чрезвычайным удовольствием*.) Мелочи важнее всего, Пикеринг. Береги пенсы, чтобы уцелели шиллинги, – то же самое верно и для хороших манер. (*Он наконец останавливается на коврике перед камином с видом человека, занявшего абсолютно неприступную позицию*.)

Миссис Пирс. Да, сэр. Так вы обещаете не выходить к завтраку в халате или, по крайней мере, не пользоваться им вместо салфетки? А если вы будете так добры и перестанете есть все с одной тарелки и ставить кастрюлю с овсянкой на чистую скатерть, это тоже послужит хорошим примером для девушки. Сами ведь на днях подавились рыбной костью, когда ели джем.

Хиггинс (*снявшись с коврика, дрейфует обратно к фортепиано*). Это всего лишь рассеянность; не каждый же день такое бывает. (*Сердито*.) Кстати, мой халат дьявольски воняет бензином.

Миссис Пирс. Неудивительно, мистер Хиггинс. Если вы будете вытирать руки...

Хиггинс (*вопит*). Ладно, ладно! В следующий раз я их оближу!

Миссис Пирс. Надеюсь, вы не обиделись, сэр.

Хиггинс (*в шоке от того, что его могут подозревать в столь неблагоприятных чувствах*). Разумеется, нет. Вы абсолютно правы, миссис Пирс. В присутствии девушки я буду особенно тщательно следить за собой. Теперь все?

Миссис Пирс. Нет, сэр. Можно одеть ее в один из тех японских халатов, которые вы привезли из-за границы? Ее старая одежда совсем плоха.

Хиггинс. Конечно. Одевайте. Теперь все?

Миссис Пирс. Благодарю вас, сэр. Теперь все. (*Уходит.*)

Хиггинс. Знаете, Пикеринг, у нее обо мне странное представление. Я тихий, робкий человек. Я никогда не чувствовал себя по-настоящему взрослым и этакой важной персоной, как другие. А она считает меня чистой воды самодуром. Как это объяснить?

Миссис Пирс возвращается.

Миссис Пирс. Простите, сэр, но неприятности уже начались. Пришел мусорщик, некий Альфред Дулитл, и хочет вас видеть. Говорит, здесь его дочь.

Пикеринг (*поднимаясь с места*). Ого! Вот вам!

Хиггинс (*быстро*). Давайте сюда этого мерзавца.

Миссис Пирс. Слушаюсь, сэр. (*Выходит.*)

Пикеринг. Может, он не мерзавец.

Хиггинс. Ну да, как же. Ясно, мерзавец!

Пикеринг. В любом случае, хлопот с ним теперь не оберешься.

Хиггинс (*уверенно*). Бросьте. Если и будут хлопоты, то не у меня с ним, а у него со мной. А мы, надеюсь, услышим что-нибудь интересное.

Пикеринг. Насчет девушки?

Хиггинс. Нет. Я имею в виду его выговор.

Пикеринг. Ох!

Миссис Пирс (*на пороге*). Дулитл, сэр. (*Пропускает Дулитла в дверь и удаляется.*)

Альфред Дулитл – пожилой, но бодрый человек в одежде мусорщика, включая черную шляпу с удлинненными сзади полями, прикрывающими его шею и плечи. У него выразительные черты лица, красноречиво свидетельствующие о том, что ему в равной мере незнакомы страх и муки совести. Голос его звучен и богат интонациями благодаря привычке беспрепятственно изливать свои чувства. Сейчас вся его фигура выражает уязвленное достоинство и непреклонную решимость.

Дулитл (*у двери, пытаясь понять, кто из двоих джентльменов ему нужен*). Профессор Иггинс?

Хиггинс. Да. Это я. Садитесь.

Дулитл. Доброе утро, хозяин. (*Величественно опускается на стул.*) Я об важном деле потолковать пришел.

Хиггинс (*Пикерингу*). Родом из Хаунслоу. Мать, наверное, валлийка. (*Дулитл в изумлении открывает рот. Хиггинс продолжает.*) Так что вам нужно, Дулитл?

Дулитл (*угрожающе*). Моя дочь – вот что мне нужно. Ясно вам?

Хиггинс. А как же. Вы ее отец, верно? Надеюсь, вы не подумали, будто она нужна кому-то еще? Рад, что в вас до сих пор теплятся родственные чувства. Она наверху. Забирайте.

Дулитл (*поднимаясь в испуге, ошеломленно*). Что?

Хиггинс. Берите ее. Думаете, я ее за вас кормить буду?

Дулитл (*сразу идя на попятный*). Ну, ну, погодите, хозяин. По-вашему, это разумно? Разве честно так поступать с человеком? Это моя дочка. Она у вас. А я, выходит, сбоку остался? (*Снова садится.*)

Хиггинс. Ваша дочь имела наглость явиться ко мне в дом и выразить желание брать у меня уроки. Она хочет научиться правильно говорить, чтобы ее взяли на работу в цветочный магазин. Этот джентльмен и моя экономка были здесь с начала и до конца. (*Пугая его.*) Вы что, шантажируете меня? Да как вы смеете? Может, вы специально ее сюда подослали?

Дулитл (*протестуя*). Нет-нет, хозяин.

Хиггинс. Так я и поверил. Откуда же вы узнали, что она здесь?

Дулитл. Стыдно выкручивать человеку руки, хозяин.

Хиггинс. Выкручивать вам руки будет полиция. Это заговор... чтобы угрозами выколлотить из меня деньги. Сейчас же звоню в участок. *(Решительно направляется к телефону и раскрывает справочник.)*

Дулитл. Просил я у вас хоть грошик? Вот джентльмен пусть скажет: разве я хоть словечком обмолвился о деньгах?

Хиггинс *(бросая книгу на место, идет к Дулитлу)*. Что же вам тогда нужно?

Дулитл *(сладким голосом)*. Что может быть нужно человеку? Подумайте сами, хозяин.

Хиггинс *(спокойнее)*. Скажите честно, Альфред: вы ее подговорили?

Дулитл. Упаси боже, хозяин. Готов поклясться на Библии, что не видел Лизу вот уже добрых два месяца.

Хиггинс. Так откуда же вы узнали, что она здесь?

Дулитл *(прониновенно)*. Я б сказал вам, кабы вы дали рот раскрыть. И вставить хоть словечко. Хоть полсловечка. Хоть четверть словечка.

Хиггинс. Пикеринг! У этого малого природная склонность к риторике. Обратите внимание на эти фразы. «Хоть словечко. Хоть полсловечка. Хоть четверть словечка». Наивное красноречие! Вот что значит валлийская кровь. Она же в ответе за его лживость и непорядочность.

Пикеринг. Да ну вас, **Хиггинс**. Я сам родом с запада. *(Дулитлу.)* Но откуда вы узнали, что ваша дочь здесь, если не посылали ее сюда?

Дулитл. Сейчас объясню, хозяин. Она на такси парнишку прокатила. Сынка ее домовладелицы. Он тут болтался, думал, может, она и обратно его прокатит. А она, когда вы ее приютить обещались, послала его за вещичками. Мы с ним встретились на углу Лонг-Эйкр и Энделл-стрит.

Хиггинс. В пивной. Правильно?

Дулитл. Это клуб для бедняков, хозяин. Почему бы мне туда не ходить?

Пикеринг. Дайте ему закончить, **Хиггинс**.

Дулитл. Ну вот, стало быть, он мне все рассказал. И что я, по-вашему, должен был почувствовать и сделать как отец? Я говорю парню: давай, говорю, неси мне ее вещички...

Пикеринг. А почему сами за ними не пошли?

Дулитл. Домовладелица не шибко мне доверяет, хозяин. Такая уж она женщина, знаете ли. Пришлось и ее малыцу дать пенни, а то бы и он, поросенок этакий, мне их не отдал. А я принес их сюда, просто чтоб угодить вам и показать, что я зла ни на кого не держу. Вот и все.

Хиггинс. Что за вещички?

Дулитл. Инструмент музыкальный. Картинки там, бусы всякие да птичья клетка. Сказала, одежды не надо. Что мне прикажете думать? Вот вы, хозяин, как родитель, – что вы подумали бы?

Хиггинс. И вы явились спасти ее от худшей участи, чем смерть. Так, что ли?

Дулитл *(с облегчением, довольный, что его так хорошо поняли)*. Вот-вот. В самую точку, хозяин.

Пикеринг. Но зачем вы привезли ее вещи, раз хотели ее забрать?

Дулитл. Я разве сказал, что хотел? И сейчас не хочу.

Хиггинс *(решительно)*. Однако же заберете, и сию минуту. *(Подходит к камину и звонит в колокольчик.)*

Дулитл *(поднимаясь)*. Нет. Не надо так, хозяин. Не стану я мешать моей крошке. Перед ней, можно сказать, новая жизнь открывается, и я...

Миссис Пирс отворяет дверь и ждет распоряжений.

Хиггинс. Миссис Пирс, это отец Элизы. Он ее забирает. Отдайте ее ему. *(Возвращается к фортепиано с видом человека, сбросившего с плеч тяжкую ношу.)*

Дулитл. Нет-нет. Вы не поняли. Послушайте...

Миссис Пирс. Как же он ее заберет, мистер Хиггинс? Я ведь сожгла ее одежду.

Дулитл. Вот видите. Не повезу же я ее по улице голой, как обезьяну. Сами посудите.

Хиггинс. Вы мне сказали, что вам нужна ваша дочь. Ну и берите свою дочь. Подите купите ей одежду, раз у нее нет.

Дулитл *(в отчаянии)*. А в чем она пришла-то? Я, что ли, это сжег или супруга ваша?

Миссис Пирс. Я экономка, с вашего позволения. Скоро принесут одежду для вашей дочери. Тогда вы сможете ее забрать. А пока подождите на кухне. Сюда, пожалуйста.

Расстроенный Дулитл идет с ней к двери; потом замедляет шаг и наконец доверительно обращается к Хиггинсу.

Дулитл. Слушайте, хозяин. Мы с вами люди понимающие, верно?

Хиггинс. Ах, понимающие! Можете идти, миссис Пирс.

Миссис Пирс. Благодарю вас, сэр. *(Уходит, исполненная достоинства.)*

Пикеринг. Мы вас слушаем, мистер Дулитл.

Дулитл *(Пикерингу)*. Спасибо, сэр. *(Хиггинсу, который устроился на скамеечке перед фортепиано на почтительном отдалении от своего гостя, ибо последний распространяет вокруг себя запах, свойственный людям его профессии.)* Скажу честно, хозяин, вы мне вроде как приглянулись, и ежели вам нужна моя дочка, так я не настаиваю на том, чтобы ее увезти, можно договориться. Как женщина она, конечно, очень даже хорошенькая. Только как дочь она мне сплошной убыток, прямо вам скажу. Но отец есть отец – не могу я ее отдать задаром, вы ж понимаете, вы ведь человек с головой. Ну что вам каких-нибудь пять фунтов? А что для меня Элиза? *(Он возвращается к своему стулу и садится с рассудительным видом.)*

Пикеринг. Полагаю, вам следует знать, Дулитл, что у мистера Хиггинса абсолютно честные намерения.

Дулитл. Ясное дело, хозяин. Кабы я думал по-другому, я б пятьдесят запросил.

Хиггинс *(с отвращением)*. Экий мерзавец! Значит, вы продали бы свою дочь за пятьдесят фунтов?

Дулитл. Не то чтобы продал, но счел бы за честь оказать услугу такому славному джентльмену, как вы.

Пикеринг. Неужели у вас совсем нет принципов?

Дулитл *(нимало не смущенный)*. Не могу себе позволить такую роскошь, хозяин. Уж больно нищета заела. Я никому зла не желаю. Но ежели Лизе перепал кусок пирога, то и мне грех на бобах оставаться.

Хиггинс *(озабоченно)*. Не знаю, что и делать, Пикеринг. С точки зрения морали, дать ему хоть один фартинг было бы преступлением. Но я чувствую, что какая-то примитивная правота в его словах есть.

Дулитл. Вот-вот, хозяин. И я то же говорю. Отцовское сердце болит.

Пикеринг. Да-да. Мне знакомо это чувство. Но все выглядит несколько...

Дулитл. Постойте, хозяин. Ведь не об том речь. Ну кто я такой, скажите на милость? Недостойный бедняк, вот кто. Подумайте, каково человеку на моем месте. Человек на моем месте – для буржуазной морали что кость в горле. Только где что затеется и я захочу урвать себе кусочек, как вечно слышу одно и то же: ты, мол, недостойный, так что гуляй отсюда. Но потребностей у меня не меньше, чем у самой достойной вдовы, которая умеет вытянуть у пяти благотворительных обществ деньги на похороны одного-единственного мужа. Мне надо столько же, сколько любому достойному, а то и с добавкой. Аппетит у меня не хуже, а пью я гораздо больше. Люблю иногда и развлечься, потому как я человек осмысленный. Мне тоже порой надо взбодриться, послушать песню или там музыку, когда тоска заест. А требуют с

меня за все это ровно столько же, сколько с достойных. Ну и что же, выходит, такое ваша буржуазная мораль? Просто оправдание, чтоб никогда мне ничего не давать. Так что лучше не будем играть в эти игры, джентльмены. Я с вами откровенно. Без притворства. Конечно, я недостойн; таким я и останусь. Мне это нравится, вот в чем беда. Неужто вы воспользуетесь природной слабостью человека, чтобы недоплатить ему за его дочь, которую он поил, кормил и одевал в поте лица, покуда она не выросла и не понадобилась вам, двум джентльменам? Разве пять фунтов – это много? Сами посудите. И поступайте, как вам совесть велит.

Хиггинс (*поднимается и подходит к Пикерингу*). Пикеринг! Если бы мы взялись за этого малого, через три месяца он мог бы выбирать между министерским портфелем и кафедрой проповедника в Уэльсе.

Пикеринг. Что вы на это скажете, Дулитл?

Дулитл. Нет уж, хозяин, увольте. Слыхал я и проповедников, и министров – я ведь человек осмысленный и люблю покалякать про всякую там политику, или религию, или социальные реформы – по-моему, это развлечение не хуже любого другого, – но как ни посмотри, а жизнь-то у них собачья. Нет уж. Лучше быть недостойным да бедным. Ежели взяться сравнивать разные положения в обществе, так это, на мой вкус, единственное, в котором есть какая-никакая изюминка.

Хиггинс. Я считаю, что мы должны дать ему пятерку.

Пикеринг. Боюсь, он неразумно ею распорядится.

Дулитл. Что вы, хозяин, только не я. Не бойтесь, что я ее припрячу, а потом стану помаленечку жить на нее трутнем. К понедельнику от нее ни пенни не останется, а я снова налягу на работу, словно этой пятерки у меня никогда и не было. Можете не волноваться, нищим бездельником я из-за нее не стану. Только разок отдохну со своей ненаглядной – и нам приятно, и другим заработок, и вам удовольствие, что денежки не выброшены на ветер. Лучшего употребления им и придумать нельзя.

Хиггинс (*вынимает бумажник и становится между Дулитлом и фортепиано*). Поразительно. Дадим ему десять. (*Протягивает мусорицику две банкноты.*)

Дулитл. Нет, хозяин. У нее духу не хватит столько потратить, да и у меня тоже. Десять фунтов – большие деньги. Захочется отложить малость, а тогда прощай, счастье. Нет уж, дайте мне ровно пять, ни пенни больше, ни пенни меньше.

Пикеринг. Почему вы не женитесь на своей ненаглядной? Мне что-то очень не хочется поощрять такого рода безнравственность.

Дулитл. Вы это ей скажите, хозяин. Я-то хоть сейчас. Сам страдаю, что нет у меня над ней власти. Я должен вежливо с ней обходиться. Должен дарить ей подарки. Должен покупать ей одежду – ну разве это не безобразие! Я ей что раб, хозяин, и все потому, что мы не сочтались законным браком. И она это понимает. Поди загони ее под венец! Вот вам совет, хозяин: женитесь на Элизе, пока она молодая да глупая. А то после пожалеете. А так она пожалеет; но уж лучше она, чем вы, потому как вы мужчина, а она женщина и все равно своего счастья не понимает.

Хиггинс. Пикеринг! Если мы послушаем его еще минуту, у нас не останется никаких убеждений. (*Дулитлу.*) Пять фунтов, вы сказали?

Дулитл. Верно, хозяин.

Хиггинс. А десять, стало быть, не возьмете?

Дулитл. Не сейчас, хозяин. В другой раз.

Хиггинс (*протягивает ему пятифунтовую бумажку*). Держите.

Дулитл. Спасибо, хозяин. Доброго здоровья, джентльмены. (*Он спешит к выходу, торопясь убраться со своей добычей, но, открыв дверь, сталкивается лицом к лицу с грациозной и чрезвычайно чистой девушкой-японкой в простом хлопчатобумажном синем кимоно с изящ-*

ным узором из мелких белых цветков жасмина. Ее сопровождает миссис Пирс. Он почти-тельно отступает в сторону и извиняется.) Простите, мисс.

Японка. Ты что, спятил? Дочь родную не узнаешь?

(восклицают одновременно)

Дулитл, Хиггинс, Пикеринг

Да это ж Элиза!

Ого!

Вот это да!

Лиза. Я глупо выгляжу?

Хиггинс. Глупо?

Миссис Пирс *(с порога)*. Мистер Хиггинс, прошу вас – только без комплиментов, не то она бог весть что о себе подумает.

Хиггинс *(послушно)*. Да-да, вы совершенно правы. *(Элизе.)* Чертовски глупо.

Миссис Пирс. Пожалуйста, сэр!

Хиггинс *(поправляется)*. Я хотел сказать, исключительно глупо.

Лиза. Мне бы шляпку, тогда еще ничего. *(Берет свою шляпку, надевает и проходится по комнате с видом завязтой модницы.)*

Хиггинс. Черт возьми! Ни дать ни взять новая мода, и до чего ж безобразная!

Дулитл *(довольно)*. Я и не думал, что так здорово выйдет, ежели ее отмыть. Отцовская гордость, а?

Лиза. А тут отмыться – раз плюнуть. И горячий кран, и холодный, лей сколько хочешь. А полотенца какие мягкие, а батарея жаром пышет – того и гляди обожгешься! И губки разные, и мыло такое, что цветами пахнет. Теперь-то понятно, с чего леди все такие чистые. Им мыться одно удовольствие. Поглядели бы, как у нас моются!

Хиггинс. Рад, что моя ванная комната тебе понравилась.

Лиза. Она не понравилась – то есть не вся. И я про это прямо скажу, пускай все слышат. Вот миссис Пирс знает.

Хиггинс. Что там было не так, миссис Пирс?

Миссис Пирс *(вежливо)*. Ничего, сэр. Пустяки.

Лиза. Еле удержалась, чтоб его не разбить. Не знала, куда глаза девать. А потом хоть полотенцем завесила.

Хиггинс. Что завесила?

Миссис Пирс. Зеркало, сэр.

Хиггинс. Вы слишком строго воспитывали свою дочь, **Дулитл**.

Дулитл. Я-то? Да я ее вовсе не воспитывал, разве что разок-другой всыпал для острастки по одному месту. Тут моей вины нет, хозяин. Просто она к такому непривычная, вот и все. Ничего, скоро пообвыкнет и переймет у вас все эти вольности.

Лиза. Я девушка честная, не буду я перенимать никакие вольности.

Хиггинс. Еще раз скажешь, что ты честная девушка, и отец заберет тебя домой.

Лиза. Как же. Не знаете вы моего папашу. Ему бы только денег схватить, чтоб надраться.

Дулитл. А для чего ж еще нужны деньги? В церковь их пожертвовать, что ли? *(Она показывает ему язык. Это приводит его в такую ярость, что Пикеринг находит нелишним занять позицию между ними.)* Ты мне тут не дерзи; а ежели будешь дерзить мне или этим джентльменам, я тебя научу уму-разуму. Поняла?

Хиггинс. Будут еще отеческие советы, мистер Дулитл? Или благословение?

Дулитл. Нет, хозяин; не такой я дурак, чтобы учить детей всему, что знаю сам. С ними и без того сладу нет. Хотите ее воспитывать – берите ремень, и милости просим. Доброго здоровья, джентльмены. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

Хиггинс *(выразительно)*. Стойте. Вы будете регулярно навещать свою дочь. Это ваш долг, сами понимаете. У меня брат священник – если захотите, он поможет вам вести с ней беседы.

Дулитл *(уклончиво)*. Конечно. Я приду, хозяин. Не на этой неделе, потому что у меня работа в одном дальнем местечке. Но потом – можете на меня положиться. Всего хорошего, джентльмены. Всего хорошего, мэ. *(Снимает шляпу перед миссис Пирс, которая игнорирует эту любезность и уходит прочь. Тогда он подмигивает Хиггинсу как товарищу по несчастью, вынужденному терпеть миссис Пирс с ее трудным характером, и отправляется следом за ней.)*

Лиза. Не верьте этому старому брехуну. Ему ваш священник хуже бульдога. Теперь он не скоро появится.

Хиггинс. Я скучать не буду. А ты?

Лиза. Ну нет уж. Век бы его не видала. Позорище, собирает мусор вместо того, чтобы делом заняться.

Пикеринг. Каким делом, Элиза?

Лиза. Да он только одно дело и знает: морочить людям голову, чтоб они ему денег дали. Хотя настоящая-то профессия у него землекоп; иногда он для разминки берется за лопату и прилично зарабатывает. А вы больше не будете называть меня мисс Дулитл?

Пикеринг. Прошу прощения, мисс Дулитл. Оговорился.

Лиза. Нет, я ничего, просто оно так приятно звучит. Съездить бы в такси на угол Тотт-нем-Корт-роуд, этак вылезти и велеть шоферу подождать, чтоб поставить на место наших девочек. Я бы с ними и заговаривать не стала.

Пикеринг. Лучше погодите, пока мы не раздобудем вам настоящий наряд.

Хиггинс. А кроме того, нехорошо бросать старых подруг, если тебе улыбнулась удача. Это называется снобизмом.

Лиза. Тоже мне, подруги нашлись. Им только волю дай, так изведут своими шуточками! Должна же я им отплатить! Ну да ладно, если у меня еще будет что-нибудь помодней, я обожду. Это было бы здорово. Миссис Пирс сказала, что перед тем, как лечь спать, я буду снимать дневное платье и одеваться в другое; только зачем деньги зря тратить, его ж никто не увидит. Да и не люблю я вечером переодеваться в холодное, особенно зимой.

Миссис Пирс *(возвращается)*. Ну вот, Элиза. Тебе принесли одежду – надо примерить.

Лиза. А-а-у-у! *(Выбегает из комнаты.)*

Миссис Пирс *(направляясь за ней)*. Куда ж ты бежишь, глупая? *(Закрывает за собой дверь.)*

Хиггинс. Да, Пикеринг, придется нам попотеть.

Пикеринг *(с глубокой убежденностью)*. Да, Хиггинс, придется.

* * *

Возможно, кому-то станет любопытно, как проходило обучение Элизы у Хиггинса. Опишем для примера первый урок.

Представьте себе Элизу – в новой одежде, выбитая из колеи обедом, ужином и завтраком с совершенно не привычным для нее меню, она сидит с Хиггинсом и полковником в кабинете, чувствуя себя как пациент, впервые явившийся на прием в больницу.

Хиггинс, от природы не способный находиться в покое, заставляет ее нервничать еще больше, нетерпеливо расхаживая по комнате. Если бы не обнадеживающее присутствие и

невозмутимость его друга, полковника Пикеринга, она непременно кинулась бы бежать со всех ног, пусть хоть обратно на Друри-лейн.

Хиггинс. Начнем с алфавита. Прочти мне его наизусть.

Лиза. Я знаю алфавит! Думаете, я совсем бестолковая? Чего вы со мной, как с малолеткой!

Хиггинс (*громовым голосом*). Читай!

Пикеринг. Прочтите ему алфавит, мисс Дулитл. Скоро вы все поймете. Делайте, что он говорит, – пусть учит вас так, как ему нравится.

Лиза. Ну хорошо, если вы так... Э-э, бэ-э, сэ-э, дэ-э...

Хиггинс (*ревет, как раненый лев*). Пр-рекратить! Вы только послушайте, Пикеринг! Вот вам начальное образование, за которое мы платим. Это несчастное животное девять лет гоняли в школу за наш счет, чтобы научить ее говорить и читать на языке Шекспира и Мильтона. И в результате – «э-э, бэ-э, сэ-э, дэ-э». (*Элизе.*) Скажи: «Эй, би, си, ди».

Лиза (*чуть не плача*). Но я же говорю. Э-э, бэ-э, сэ-э...

Хиггинс. Стоп. Скажи «кап».

Лиза. Кэп.

Хиггинс. Упрись кончиком языка в край нижних зубов. Теперь скажи «кап».

Лиза. К-к-к... не могу. К-кап.

Пикеринг. Хорошо. Великолпно, мисс Дулитл.

Хиггинс. Черт меня побери, у нее получилось с первой попытки! Пикеринг – мы сделаем из нее герцогиню. (*Элизе.*) А теперь, как по-твоему, ты в силах сказать «ти»? Не «тэ-э», имей в виду; если ты еще хоть раз, хоть когда-нибудь скажешь «бэ-э, сэ-э, дэ-э», я возьму тебя за волосы и трижды протащу по всей комнате. (*Очень громко.*) Ти, ти, ти, ти.

Лиза (*в слезах*). Но я не слышу никакой разницы, только что у вас выходит больше как по-благородному.

Хиггинс. Ну, так если ты слышишь эту разницу, какого рожна тогда реवेशь? Пикеринг! Дайте ей шоколадку.

Пикеринг. Нет-нет. Не стесняйтесь своих слез, мисс Дулитл. У вас прекрасно получается, и никакой беды от этих уроков не будет. Я обещаю, что не позволю ему таскать вас по комнате за волосы.

Хиггинс. Отправляйся к миссис Пирс и расскажи, чем мы тут занимались. Подумай об этом. Попробуй повторить это сама и как следует расправляй язык во рту, а не старайся скатать его в рулет и проглотить. Следующий урок – сегодня после обеда, в половине пятого. А пока можешь гулять.

Все еще рыдая, Элиза выбегает из комнаты.

Вот каковы мучения, коим бедной Элизе предстоит подвергаться несколько месяцев подряд вплоть до тех пор, пока мы не встретимся с нею в день ее первого появления в том кругу лондонского общества, к которому принадлежат ее учителя.

Действие третье

На сегодня у миссис Хиггинс назначена небольшая дружеская вечеринка. Однако никто еще не пришел. Ее квартира находится в Челси, на набережной; все три окна гостиной смотрят на реку. Потолки пониже тех, какие бывают в старинных домах того же ранга. Окна распахнуты, и за ними виден балкон с цветами в горшках. Если стать лицом к нему, камин будет слева, а дверь – в правой стене, в ближайшем к окнам углу.

Вкусы миссис Хиггинс сложились под влиянием Морриса и Берн-Джонса, и в ее комнате, совсем не похожей на жилище ее сына на Уимпол-стрит, нет избытка мебели, маленьких столиков и безделушек. Посреди комнаты стоит большая тахта; парчовыми покрывалами на ней самой и ее подушках, напольным ковром, моррисовскими обоями да моррисовскими же ситцевыми занавесями на окнах и исчерпывается вся отделка гостиной, которая благодаря отсутствию ненужных вещей предстает перед посетителями во всей своей красе. На стенах висят несколько хороших картин маслом с выставок тридцатилетней давности в Гроувенорской галерее – также в духе Берн-Джонса, а не Уистлера. Единственный пейзаж, написанный с рубенсовским размахом, принадлежит кисти Сесиля Лоусона. Есть здесь и портрет миссис Хиггинс поры ее юности, когда она бросала вызов моде, в одном из прекрасных костюмов в стиле Россетти – тех самых, что были опошлены людьми, лишенными вкуса и породившими нелепости популярного эстетизма семидесятых годов девятнадцатого столетия.

В углу, расположенном по диагонали от двери, за простым и элегантным письменным столом, сидит миссис Хиггинс; она уже перешагнула шестидесятилетний рубеж и, таким образом, давно вышла из того возраста, когда человеку стоит брать на себя труд одеваться вопреки моде. Под рукой у нее кнопка звонка. Чуть дальше, между столом и ближайшим окном, – кресло работы Чиппендейла. По другую сторону комнаты, немного ближе к авансцене, есть еще стул елизаветинской эпохи с грубоватой резьбой в духе Иниго Джонса. У той же стены – пианино в декоративном чехле. Угол между камином и окном занят диваном в обивке из моррисовского ситца.

Время – между четырьмя и пятью часами пополудни.

Дверь резко распахивается, и входит Хиггинс в шляпе.

Миссис Хиггинс (*в смятении*). Генри! (*Ворчливо.*) Зачем ты явился! Ко мне придут гости – ты обещал не показываться. (*Когда он наклоняется поцеловать ее, она снимает с него шляпу и вручает ему.*)

Хиггинс. Тьфу, чтоб ее! (*Бросает шляпу на стол.*)

Миссис Хиггинс. Сейчас же иди домой.

Хиггинс (*целует ее*). Перестань, мама. Я пришел по делу.

Миссис Хиггинс. Дело подождет. Я не шучу, милый. Ты оскорбляешь моих друзей – они обижаются и больше сюда не приходят.

Хиггинс. Чушь! Я и вправду не люблю светских бесед, но все к этому привыкли. (*Усаживается на тахту.*)

Миссис Хиггинс. Привыкли? Да ну? Какие уж там светские беседы – тебе вообще нельзя раскрывать рот! Нет, милый, иди домой.

Хиггинс. Не могу. У меня к тебе просьба. Это связано с фонетикой.

Миссис Хиггинс. Боюсь, что ты напрасно тратишь время, милый. Я ничего не понимаю в твоих гласных. И хотя мне нравится получать симпатичные открытки, зашифрованные по твоей оригинальной системе, мне всегда приходится читать написанные обычным языком копии, которые ты так заботливо мне посылаешь.

Хиггинс. Ладно. Фонетика тут ни при чем.

Миссис Хиггинс. Ты же сам сказал!

Хиггинс. К тебе это не относится. Видишь ли, я решил заняться одной девушкой.

Миссис Хиггинс. То есть какая-то девушка решила заняться тобой?

Хиггинс. Да нет же. Речь не о романе.

Миссис Хиггинс. Какая жалость!

Хиггинс. Почему?

Миссис Хиггинс. Ты ни разу не влюблялся ни в кого моложе сорока пяти. Когда ты заметишь, что на свете есть очень славные девушки?

Хиггинс. Мне некогда возиться с девушками. Мой идеал женщины – это ты. Ни одна девушка меня не прельстит: некоторые привычки остаются на всю жизнь. *(Резко поднимается и начинает расхаживать взад и вперед, брэнча монетами и ключами в кармане брюк.)* Вдобавок они все набитые дуры.

Миссис Хиггинс. Знаешь, чем ты можешь доказать мне свою любовь, Генри?

Хиггинс. Старая песня! Ну чем? Жениться, что ли?

Миссис Хиггинс. Нет. Перестань бегать и вынь руки из карманов. *(Безнадежно махнув рукой, он повинуется и садится снова.)* Вот молодец. А теперь расскажи мне об этой девушке.

Хиггинс. Она сейчас придет с тобой знакомиться.

Миссис Хиггинс. Кажется, я ее не приглашала.

Хиггинс. Зато я пригласил. А ты и не подумала бы, если б ее знала.

Миссис Хиггинс. Да? Почему же?

Хиггинс. Ну, видишь ли... Она простая цветочница. Я подобрал ее на улице.

Миссис Хиггинс. И пригласил ко мне в тот день, когда у меня гости!

Хиггинс *(поднимаясь, подходит к ней, чтобы оправдаться)*. Все будет в порядке. Я научил ее говорить правильно и дал строгие инструкции насчет того, как себя вести. Она будет говорить только о погоде и здоровье гостей – как нынче тепло да как поживаете, – а от бесед на другие темы воздержится. Это не опасно.

Миссис Хиггинс. Не опасно? Говорить о здоровье! О том, что у нас внутри! Или, не дай Бог, снаружи! Ты с ума сошел, Генри!

Хиггинс *(нетерпеливо)*. Надо же ей о чем-нибудь говорить! *(Берет себя в руки и опять садится.)* Все будет в порядке, не бойся. Пикеринг тоже в этом участвует. Мы с ним поспорили, что через полгода я выдам ее за герцогиню. Я взялся за нее несколько месяцев назад, и она мчит вперед, как поезд, у которого отказали тормоза. Я выиграю пари! У нее есть слух, и учить ее проще, чем моих обычных клиентов из средних слоев, потому что она вынуждена осваивать абсолютно незнакомый язык. Она говорит по-английски, как ты по-французски.

Миссис Хиггинс. Ну что ж, это неплохо.

Хиггинс. И да, и нет.

Миссис Хиггинс. Что ты имеешь в виду?

Хиггинс. Произношение-то у нее хорошее; однако дело не только в том, как женщина говорит, но и в том, что она говорит, а тут...

Их разговор прерывает горничная, объявляющая о приходе гостей.

Горничная. Миссис и мисс Эйнсфорд-Хилл. *(Удаляется.)*

Хиггинс. Тьфу, дьявол! *(Вскакивает, хватая со стола шляпу и направляется к двери, но не успевает он достичь порога, как мать уже представляет его вошедшим.)*

Миссис и мисс Эйнсфорд-Хилл – те самые мать и дочь, что прятались от дождя в Ковент-Гардене. Мать – спокойная дама с хорошими манерами и привычным выражением озабоченности, свидетельствующим о недостатке в средствах. Напускная жизнерадостность дочери призвана создать впечатление, что она чувствует себя в свете как дома; это бравада благородной нищеты.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (обращаясь к миссис Хиггинс). Здравствуйте. (Они обмениваются рукопожатием.)

Мисс Эйнсфорд-Хилл (в свою очередь пожимает хозяйке руку). Здравствуйте.

Миссис Хиггинс (представляет). Мой сын Генри.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Ваш знаменитый сын! Я так давно мечтала познакомиться с вами, профессор **Хиггинс**.

Хиггинс (мрачно, не делая ни малейшего движения в ее сторону). Очень приятно. (Пытится к фортепиано и отвечает неловкий поклон.)

Мисс Эйнсфорд-Хилл (уверенно, по-свойски подходя к нему). Здравствуйте.

Хиггинс (установившись на нее). Где-то я вас видел. Хоть убей не скажу где, но голос я помню. (Угрюмо.) А, неважно. Садитесь, что ли.

Миссис Хиггинс. Должна признаться, что мой знаменитый сын дурно воспитан. Вы уж на него не обижайтесь.

Мисс Эйнсфорд-Хилл (весело). И не подумаю. (Садится на елизаветинский стул.)

Миссис Эйнсфорд-Хилл (с легким удивлением). Да-да, конечно. (Садится на тахту между своей дочерью и миссис Хиггинс, которая развернула свой стул у письменного стола, чтобы оказаться лицом к гостям.)

Хиггинс. Я, кажется, был невежлив? Простите.

Он отходит к центральному окну и, повернувшись спиной ко всей компании, созерцает реку и цветы в парке Баттерси на другом берегу так, словно перед ним замерзшая пустыня.

Возвращается горничная: она привела Пикеринга.

Горничная. Полковник **Пикеринг**. (Удаляется.)

Пикеринг. Здравствуйте, миссис **Хиггинс**.

Миссис Хиггинс. О, рада вас видеть. Знакомьтесь: миссис Эйнсфорд-Хилл, мисс Эйнсфорд-Хилл.

Представленные раскланиваются. Полковник выдвигает чиппендейловское кресло чуть вперед между миссис Хилл и миссис Хиггинс, затем садится.

Пикеринг. Генри сказал вам, зачем мы пришли?

Хиггинс (через плечо). Нам помешали, черт подери!

Миссис Хиггинс. Генри! Прошу тебя!

Миссис Эйнсфорд-Хилл (приподнявшись). Мы вам мешаем?

Миссис Хиггинс (поднимается и усаживает ее обратно). Нет-нет. Вы как раз кстати: мы хотим познакомить вас с одной приятельницей.

Хиггинс (оборачиваясь, с надеждой). Ну да, черт возьми! Нам нужны человека два-три. Вы сгодитесь не хуже любых других.

Возвращается горничная, за ней входит Фредди.

Горничная. Мистер Эйнсфорд-Хилл.

Хиггинс (почти в полный голос, не сдержавшись). Господи ты Боже мой! Еще один!

Фредди (пожимая руку миссис Хиггинс). Здравсте.

Миссис Хиггинс. Как мило, что вы пришли. (Представляет.) Полковник **Пикеринг**.

Фредди (с поклоном). Здравсте.

Миссис Хиггинс. Вы не знакомы с моим сыном, профессором Хиггинсом?

Фредди (*направляясь к Хиггинсу*). Здрасте.

Хиггинс (*глядя на него так, будто подозревает, что Фредди собирается стащить у него кошелек*). Клянусь Богом, где-то я вас видел. Но где же?

Фредди. Вряд ли.

Хиггинс (*сдаваясь*). Ладно, неважно. Садитесь, что ли.

Он жмет Фредди руку и чуть ли не швыряет его на тахту лицом к окну; затем подходит к другому ее краю.

Хиггинс. Ну вот, все в сборе! (*Садится на тахту рядом с миссис Эйнсфорд-Хилл, слева от нее*.) О чем нам, черт возьми, говорить, пока Элизы нет?

Миссис Хиггинс. Генри, на вечерах Королевского научного общества ты наверняка душа компании, но в домах попроще с тобой трудновато.

Хиггинс. Да? Извини. (*Внезапно расцветая*.) Вообще-то ты права. (*Громко*.) Ха-ха!

Мисс Эйнсфорд-Хилл (*которая находит Хиггинса вполне приемлемым с матримониальной точки зрения*). И прекрасно. Я сама терпеть не могу светских бесед. Вот если бы все были такими искренними и всегда говорили то, что думают!

Хиггинс (*снова мрачнея*). Боже упаси!

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*уловив настроение дочери*). Почему же?

Хиггинс. То, что люди считают искренним, уже тошно слушать; а знай мы их настоящие мысли, это была бы совсем беда. Думаете, вам приятно было бы узнать сейчас мои мысли?

Мисс Эйнсфорд-Хилл (*шутливо*). Неужели они так циничны?

Хиггинс. Циничны? При чем тут это, черт побери? Но в них мало приличного.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*серьезно*). Не может быть, мистер **Хиггинс**.

Хиггинс. Мы все более или менее дикари. Нам положено быть воспитанными, культурными – знатоками поэзии, философии, искусства, науки и так далее; но многие ли понимают хотя бы смысл этих слов? (*Обращаясь к мисс Хилл*.) Что вы знаете о поэзии? (*К миссис Хилл*.) А вы – о науке? (*Показывая на Фредди*.) А что он смыслит в искусстве, науке, да хоть в чем-нибудь? Что я, черт меня подери, знаю о философии?

Миссис Хиггинс (*предостерегающе*). Или о хороших манерах!

Горничная (*открывая дверь*). Мисс Дулитл. (*Уходит*.)

Хиггинс (*поспешно встает и подбегает к миссис Хиггинс*). Это она, мама. (*Поднимается на цыпочки и из-за спины матери делает Элизе знаки, поясняя, кто здесь хозяйка*.)

Элиза в изысканном платье выглядит такой благородной красавицей, что, увидев ее на пороге, все встает в смятении. Ориентируясь на сигналы Хиггинса, она с хорошо отрепетированным изяществом направляется к миссис Хиггинс.

Лиза (*старательно следя за произношением, с безупречно правильной интонацией*). Здравствуйтесь, миссис Хиггинс. (*Она чуть запинаясь на непривычном звуке «х» в слове «Хиггинс», но все проходит гладко*.) Мистер Хиггинс сказал, что я могу прийти.

Миссис Хиггинс (*радушно*). Ну конечно. Рада с вами познакомиться.

Пикеринг. Здравствуйтесь, мисс Дулитл.

Лиза (*пожимая ему руку*). Полковник Пикеринг, если не ошибаюсь?

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Кажется, мы с вами где-то встречались, мисс Дулитл. Я помню ваши глаза.

Лиза. Здравствуйтесь. (*Грациозно опускается на тахту, туда, где только что сидел Хиггинс*.)

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*представляет*). Моя дочь Клара.

Лиза. Здравствуйте.

Клара (*порывисто*). Здравствуйте. (*Садится на тахту рядом с Элизой, пожирая ее глазами.*)

Фредди (*подходя к их краю тахты*). Я тоже, по-моему, имел удовольствие.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*представляет*). Мой сын Фредди.

Лиза. Здравствуйте.

Фредди кланяется и как замороженный опускается на елизаветинский стул.

Хиггинс (*внезапно*). Ах, черт побери, – вспомнил! (*Все смотрят на него.*) Ковент-Гарден! (*Страдальчески.*) Тьфу, дьяволышина!

Миссис Хиггинс. Генри, пожалуйста, держи себя в руках! (*Он собирается присесть на край стола.*) Нет-нет! Не садись на мой стол, сломаешь.

Хиггинс (*угрюмо*). Извини.

Он идет к дивану, спотыкаясь по дороге о каминную решетку и кочергу с щипцами и совком; высвобождается, бормоча себе под нос ругательства, и завершает свое неудачное путешествие, бросившись на диван так нетерпеливо, что едва не ломает его. Миссис Хиггинс смотрит на сына, но берет себя в руки и воздерживается от замечаний.

Следует долгая неловкая пауза.

Миссис Хиггинс (*наконец решившись завязать общий разговор*). Как по-вашему, будет дождь?

Лиза. Небольшой циклон на западе острова медленно смещается в восточном направлении. Никаких серьезных изменений в климатических условиях не предвидится.

Фредди. Ха-ха! До чего забавно!

Лиза. В чем дело, молодой человек? Я все сказала правильно.

Фредди. Помереть можно!

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Надеюсь, обойдется без холодов. Ведь сейчас волна гриппа. Мы болеем каждую весну всей семьей.

Лиза (*сумрачно*). Моя тетя умерла от гриппа – якобы.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*сочувственно цокает языком*). Тц-тц-тц!

Лиза (*тем же трагическим тоном*). Но я уверена, что старуху пришили.

Миссис Хиггинс (*озадаченно*). Пришили?

Лиза. Да-а, Бог свидетель! Разве она умерла бы от гриппа? За год до того она болела дифтеритом. Я ее видела своими глазами. Она уже вся посинела. Лежала как мертвая, но мой отец все вливал в нее с ложки джин, и она пришла в себя так внезапно, что перекусила ложку пополам.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*потрясенная*). Боже святой!

Лиза (*все больше негодуя*). Разве женщина такой закалки может умереть от гриппа? А куда делась соломенная шляпка, которая должна была достаться мне? Кто-то ее спер – и я считаю, кто спер, тот и тетю пришил.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Что значит «пришить»?

Хиггинс (*поспешно*). Это новое модное слово. Оно означает «убить».

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*Элизе, в ужасе*). Неужели вашу тетю могли убить?

Лиза. А то! Которые с ней жили и за шляпную булавку убьют, не то что за целую шляпку.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Но как ваш батюшка не боялся поить ее спиртным с ложки? Она же могла умереть!

Лиза. Это она-то? Да ей джин что мамкино молочко. И потом, он его целебные свойства на себе испробовал.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Вы хотите сказать, что он пил?

Лиза. Пил? Ого! Не то слово!

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Вы, наверно, страдали?

Лиза. Ничуть. Я в этом никакой беды не видела. И потом, он пил не все время. (*Весело.*) Так сказать, под настроение, от случая к случаю. И только добрел от выпивки. Когда он сидел без работы, мать часто давала ему четырехпенсовик и велела уходить и не возвращаться, пока все не пропьет: знала, что придет довольный и с ней будет любезничать. Многим женщинам стоило бы поить своих мужей, чтоб жить с ними было легче. (*Уже совсем раскрепостившись.*) Понимаете, тут вот в чем штука. Если у человека есть совесть, она его мучит, когда он трезвый; вот он и злится. А после глоточка она его отпускает, и он уже счастлив. (*Фредди, который давится смехом.*) Эй! Что вы там хихикаете?

Фредди. Эта новая светская манера. У вас так здорово выходит.

Лиза. Раз я говорю правильно, что тут смешного? (*Хиггинсу.*) Я сказала что-нибудь не то?

Миссис Хиггинс (*вмешиваясь*). Нет-нет, мисс Дулитл.

Лиза. Ну слава Богу. (*Пылко.*) Я всегда говорила...

Хиггинс (*поднимаясь и глядя на часы*). Кхм!

Лиза (*оглядываясь на него, понимает намек и тоже встает*). Мне пора. (*Все встают. Фредди идет к двери.*) Рада была с вами познакомиться. До свидания. (*Обменивается рукопожатием с миссис Хиггинс.*)

Миссис Хиггинс. До свидания.

Лиза. До свидания, полковник Пикеринг.

Пикеринг. До свидания, мисс Дулитл. (*Пожимают друг другу руки.*)

Лиза (*кивая остальным*). До свидания.

Фредди (*открывая перед ней дверь*). Вы через парк пойдете, мисс Дулитл? Если да...

Лиза (*с абсолютно безупречной артикуляцией*). Пойду? Черта лысого! (*Общее волнение.*) Я возьму такси. (*Выходит.*)

Пикеринг переводит дух и садится. Фредди выбегает на балкон, чтобы еще разок взглянуть на Элизу.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*еще не оправившись от потрясения*). Нет, я решительно не могу привыкнуть к этим новым манерам.

Клара (*с недовольным видом резко садится на елизаветинский стул*). Ничего в них особенного нет, мама. Нельзя быть такой старомодной – иначе люди подумают, что мы с тобой никуда не выходим и ни с кем не видимся.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Пускай я старомодна; но, надеюсь, ты не станешь перенимать это выражение, Клара. Я уже привыкла к тому, что ты называешь мужчин мерзавцами, а все вокруг у тебя сплошное свинство и пакость, хотя, по-моему, так говорить дурно, особенно девушке. Но это последнее было бы уже чересчур. Вы согласны со мной, полковник?

Пикеринг. Право, не знаю. Я ведь несколько лет прожил в Индии, и за это время манеры так изменились, что иногда мне бывает непонятно, где я: на званом обеде или в матросском кубрике.

Клара. Все это вопрос привычки. Тут нет правильного или неправильного. Никто же не имеет в виду ничего плохого. Зато благодаря этим выражениям речь становится такой изысканной, такой выразительной, даже когда говорят не очень умные вещи. Я считаю, что новые светские манеры достойны восхищения и вполне невинны.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*поднимаясь*). Что ж, поговорили, и ладно. Пожалуй, нам пора идти.

Клара (*поднимаясь*). Да, нам надо нанести еще три визита. До свидания, миссис **Хиггинс**. До свидания, полковник. До свидания, профессор.

Хиггинс (с хмурым видом встает с дивана и провожает ее до двери). До свидания. Не забывайте употреблять эти новые словечки там, куда сейчас пойдете. Никого не бойтесь. Произносите их громко и уверенно.

Клара (сияя). Конечно. Непременно. Долой викторианское лицемерие!

Хиггинс (подыгрывая ей). Хотят сделать из нас ханжей!

Клара. Черта лысого!

Миссис Эйнсфорд-Хилл (не сдержавшись). Клара!

Клара. Ха! Ха! (Она выходит абсолютно счастливая, уверенная, что теперь ее поведение полностью соответствует духу времени; с лестницы доносится ее серебристый смех.)

Фредди (в пространство). Хотел бы я знать... (Обрывает себя на полуслове и подходит к миссис Хиггинс.) До свидания.

Миссис Хиггинс (жмет ему руку). До свидания. Вы хотели бы еще увидеться с мисс Дулитл?

Фредди (жадно). Да, очень.

Миссис Хиггинс. Вы знаете, когда я принимаю.

Фредди. Да. Спасибо огромное. До свидания. (Выходит.)

Миссис Эйнсфорд-Хилл. До свидания, мистер Хиггинс.

Хиггинс. До свидания. До свидания.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (Пикерингу). Ничего не поделаешь. Я никогда не смогу заставить себя употребить это выражение.

Пикеринг. И не надо. Это не обязательно. Вполне можно обойтись без него.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Только Клара ужасно сердится, когда модные слова не сыплются из меня, как горох из дырявого мешка. До свидания.

Пикеринг. До свидания. (Они жмут друг другу руки.)

Миссис Эйнсфорд-Хилл (миссис Хиггинс). Не обижайтесь на Клару. (Услышав, что она понизила голос, Пикеринг тактично присоединяется к стоящему у окна Хиггинсу.) Мы ведь такие бедные! И так редко ходим в гости. Она не умеет себя держать. (Миссис Хиггинс замечает, что ее глаза увлажнились, сочувственно берет ее за руку и провожает к двери.) Но мальчик неплох. Как по-вашему?

Миссис Хиггинс. Он очень милый. Пусть приходит почаще.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Спасибо, дорогая. До свидания. (Выходит.)

Хиггинс (жадно). Ну что, мама? Можно выводить Элизу в свет? (Он набрасывается на мать и тащит ее к тахте, где она садится на место Элизы, а сын – бок о бок с ней, по ее левую руку.)

Пикеринг возвращается на свой стул справа от миссис Хиггинс.

Миссис Хиггинс. Конечно, нет, глупый мальчишка. Это триумф твоего искусства и искусства ее портного; но если ты не понимаешь, что она выдаст себя, едва открыв рот, ты просто не в своем уме.

Пикеринг. Но разве нельзя что-нибудь сделать? Я имею в виду, для того, чтобы устранить из ее речи излишнюю красочность?

Миссис Хиггинс. Вряд ли, пока она в руках Генри.

Хиггинс (обиженно). По-твоему, у меня неподходящий язык?

Миссис Хиггинс. Да нет, подходящий, для матросской пивной; но для званого вечера он не годится.

Хиггинс (глубоко уязвленный). Ну, знаешь ли...

Пикеринг (перебивает его). Бросьте, Хиггинс, послушайте себя. Такие выражения я слышал только на смотрах волонтеров в Гайд-парке двадцать лет тому назад.

Хиггинс (угрюмо). Что ж, признаюсь, я не всегда говорю, как епископ.

Миссис Хиггинс (*успокаивая его легким прикосновением*). Полковник, объясните мне, что все-таки происходит на Уимпол-стрит?

Пикеринг (*бодро, словно это полная перемена темы*). Сейчас я живу там с Генри. Мы вместе работаем над моей книгой об индийских диалектах и решили, что будет удобнее...

Миссис Хиггинс. Да-да, конечно. Я знаю, прекрасно придумано. Но где живет девушка?

Хиггинс. С нами, понятно. Где же еще?

Миссис Хиггинс. Но в каком качестве? Служанки? Или кого?

Пикеринг (*медленно*). Кажется, я понимаю, о чем вы говорите, миссис **Хиггинс**.

Хиггинс. А я нет, черт бы меня драл! Чтобы довести эту девушку до ее нынешнего состояния, я работал с ней несколько месяцев подряд, не пропуская ни одного дня. Кроме того, она полезна. Знает, где что лежит, помнит о моих встречах и так далее.

Миссис Хиггинс. А как к ней относится твоя экономка?

Хиггинс. Миссис Пирс? С одной стороны, она страшно рада такому облегчению: ведь раньше ей самой приходилось искать мои вещи и напоминать мне о встречах. Но, с другой стороны, у нее какой-то непонятный пунктик насчет Элизы. Она все время повторяет: «Вы совсем не думаете, сэр». Правда, Пик?

Пикеринг. Да, именно так. «Вы совсем не думаете, сэр». Этим заканчивается каждый разговор об Элизе.

Хиггинс. Словно я хоть на минуту могу забыть об этой девице и всех ее чертовых гласных и согласных! Да я устал думать о ней, наблюдать за ее губами, зубами и языком, не говоря уж о самом непонятном – ее душе!

Миссис Хиггинс. Значит, вы точно двое детей, которые играют с живой куклой.

Хиггинс. Играют? Такой тяжелой работы у меня в жизни не было! Можешь в этом не сомневаться, мама. Хотя ты не понимаешь, как это захватывает – превращать одного человека в другого, создавая заново его речь. Это значит строить мост через глубочайшую пропасть, которая лежит между классами и отдельными людьми.

Пикеринг (*подвинув свой стул ближе к миссис Хиггинс и нетерпеливо подавшись к ней*). Да-да, это невероятно интересно. Уверяю вас, миссис Хиггинс, мы относимся к Элизе очень серьезно. С каждой неделей, буквально день ото дня, она меняется к лучшему. (*Еще ближе*.) Мы подробно записываем данные на каждом этапе – у нас десятки граммофонных пластинок и фотографий...

Хиггинс (*атакуя другое ее ухо*). Да, черт подери, это захватывающий эксперимент – такого я еще никогда не ставил. Мы все время о ней помним, правда, Пик?

Пикеринг. Только об Элизе и говорим.

Хиггинс. Учим ее.

Пикеринг. Одеваем.

Миссис Хиггинс. Что?

Хиггинс. Тащим к новой жизни.

(*говорят одновременно*)

Хиггинс, Пикеринг. Знаешь, у нее замечательный слух...

Уверяю вас, дорогая миссис Хиггинс, эта девушка...

Хиггинс, Пикеринг ...как у попугая. Я пробовал с ней самые...
...гений. Она чудесно играет на фортепьяно...

Хиггинс, Пикеринг. ...разные звуки, самые разные диалекты:
...Может сыграть любую мелодию, которую слышала...

Хиггинс, Пикеринг. ...материковые, африканские, готтентотское шелканье, ...в концертном зале или мюзик-холле, как только...

Хиггинс, Пикеринг. ...то, что я пытался расслушать годами...
...придет домой, и неважно, кто ее написал...

Хиггинс, Пикеринг. ...а она схватывает все на лету, мгновенно, точно...
...Бетховен, Брамс, Легар или Лайонел Монктон...

Хиггинс, Пикеринг. ...это знакомо ей с детства.
...хотя она впервые подошла к фортепиано всего полгода назад...

Миссис Хиггинс (*заткнув уши пальцами, поскольку к этому времени они, пытаясь перекричать друг друга, подняли невыносимый шум*). Стойте! (*Они умолкают.*)

Пикеринг. Прощу прощения. (*С виноватым видом отодвигает стул.*)

Хиггинс. Извини. Но когда Пик начинает орать, слова не вставишь.

Миссис Хиггинс. Успокойся, Генри. Полковник, разве вы не понимаете, что вместе с Элизой на Уимпол-стрит появилось кое-что еще?

Пикеринг. Ее отец. Но Генри тут же его спровадил.

Миссис Хиггинс. Лучше бы это была мать. Но вместо нее появилось нечто другое.

Пикеринг. Что же?

Миссис Хиггинс (*невольно выдавая этим свою принадлежность к другому поколению*). Проблема.

Пикеринг. А, понятно. Проблема в том, как выдать ее за леди?

Хиггинс. Эту проблему я решу. Уже почти решил.

Миссис Хиггинс. Послушайте, вы, беспредельно глупые мужчины: проблема в том, что будет с ней дальше.

Хиггинс. Тоже мне проблема. Будет делать что хочет, пользуясь теми преимуществами, которые я ей дал.

Миссис Хиггинс. Да, что ты дал этой бедной девушке, я видела! Выучил ее манерам и привычкам светской дамы без ее состояния! Ведь сама зарабатывать на жизнь она теперь не сможет?

Пикеринг (*примирительно, явно заскучав*). Все будет хорошо, миссис **Хиггинс**. (*Поднимается, чтобы уйти.*)

Хиггинс (*тоже вставая*). Найдем ей какую-нибудь легкую работу.

Пикеринг. Она вполне довольна жизнью. Не беспокойтесь. До свидания. (*Пожимает ей руку, словно утешая испуганного ребенка, и направляется к двери.*)

Хиггинс. Да и вообще, что теперь рассуждать. Дело сделано. Пока, мама. (*Целует ее и идет за Пикерингом.*)

Пикеринг (*оборачиваясь для последнего утешения*). Вариантов тьма-тьмущая. Выберем, что получше. До свидания.

Хиггинс (*Пикерингу, выходя вместе с ним из дверей*). Сводим ее на Шекспировскую выставку в Эрлскорте.

Пикеринг. Непременно. Послушаем, что она скажет.

Хиггинс. А потом изобразит нам всех, кого там увидит.

Пикеринг. У нее так здорово получается! (*Слышно, как они смеются, спускаясь по лестнице.*)

Миссис Хиггинс (*порывисто встает и возвращается к своей работе за письменным столом. Сгребает в сторону разбросанные на нем бумаги, выхватывает из коробки чистый*

лист и решительно принимается писать. Но на третьей строчке бросает это занятие, отшвыривает ручку и, сердито сжав руками край столешницы, восклицает). Ах, мужчины! Мужчины!! Мужчины!!!

* * *

Ясно, что Элизу пока нельзя выдать за герцогиню, и пари Хиггинса остается невыигранным. Однако полгода еще не истекли, и ровно в конце намеченного срока Элизу действительно приняли за аристократку, и даже не за герцогиню, а за принцессу. Чтобы увидеть, как это было, представьте себе одно из посольств в Лондоне летним вечером, после наступления сумерек. Над парадной дверью натянут полог и по тротуару до самой мостовой проложена ковровая дорожка, ибо на сегодня назначен большой прием. Рядом кучка зевак, наблюдающих за приездом гостей. К обочине подкатывает «Роллс-Ройс». Оттуда вылезает Пикеринг в вечернем костюме, при орденах и медалях, и помогает выбраться Элизе – на ней мантия и длинное платье, в руках веер, цветы и проч. Следом за ними появляется Хиггинс. Автомобиль уезжает; тройца поднимается по ступеням и входит в услужливо распахнутые швейцаром двери.

Войдя внутрь, они оказываются в просторном холле, перед главной лестницей. Слева гардероб для джентльменов; гости мужского пола оставляют здесь свои плащи и шляпы.

Справа дверь, ведущая в комнату для дам – они скрываются там, не сняв верхней одежды, и возвращаются во всем своем великолепии. Пикеринг шепчет что-то Элизе и указывает на эту дверь. Она уходит туда. Хиггинс с Пикерингом снимают плащи и берут у лакея номерки.

Один из гостей, занятый тем же, стоит к ним спиной. Получив свои номерки, он оборачивается – это представительный Молодой Человек с необычайным обилием растительности на лице. Его гигантские бакенбарды переходят в роскошные усы; волнистые пряди волос теснятся на лбу. Затылок коротко подстрижен и лоснится от брильянтина. В остальном этот джентльмен выглядит весьма элегантно. Его грудь украшают несколько бессмысленных орденов. Он, очевидно, иностранец – похож на усатого пандура из Венгрии, – однако, несмотря на свою свирепую внешность, держится добродушно и охотник до непринужденной болтовни.

Узнав Хиггинса, он широко раскрывает объятия и с пылом устремляется к нему.

Усатый. Маэстро, маэстро! (*Обнимает Хиггинса и целует его в обе щеки.*) Вы меня помните?

Хиггинс. Нет. Не помню. Кто вы, черт побери?

Усатый. Ваш ученик – ваш первый ученик, лучший и самый талантливый. Я малютка Непоммук, чудо-юнош. Я прославил ваше имя по всей Европе. Вы учить меня фонетике. Вы не могли забыть меня.

Хиггинс. Почему вы не бреетесь?

Непоммук. У меня нет вашей представительной внешности, ваш подбородок, ваш лоб. Если я бреюсь, меня никто не замечает. А так я знаменит; меня называют Косматый Мук.

Хиггинс. И что вы делаете здесь, среди всех этих шишек?

Непоммук. Я переводчик. Я знаю тридцать два языка. На таких интернациональных вечеринках я просто незаменим. Вы специалист по кокни – если лондонец открыл рот, вы сразу определяете, из какого он района. Я могу определить любого европейца.

Лакей стремительно спускается по лестнице и подходит к Непоммуку.

Лакей. Вас просят вверх. Ее превосходительство не могут понять господина из Греции.

Непоммук. Благодарю вас, я уже иду.

Лакей отступает и теряется в толпе.

Непоммук (*Хиггинсу*). Этот греческий дипломат притворяется, что не говорит и не понимает по-английски. Но меня он не обманет. Его отец был часовщик из Кларкенуэлла. Он

сам говорит по-английски так безобразно, что не осмеливается и слова произнести, чтобы не выдать свое происхождение. Я помогаю ему притворяться, но беру с него за это хороший куш. Я со всех них беру хороший куш! Ха-ха! (*Спешиит наверх.*)

Пикеринг. Этот чудак действительно специалист? Способен он раскусить Элизу и шантажировать ее?

Хиггинс. Посмотрим. Если он ее раскусит, я проиграю пари.

Элиза выходит из гардеробной и присоединяется к ним.

Пикеринг. Ну, Элиза, теперь за дело. Вы готовы?

Лиза. Волнуетесь, полковник?

Пикеринг. Ужасно. Я чувствую себя точно так же, как перед своим первым сражением. Первый раз всегда страшен.

Лиза. Для меня он не первый, полковник. Я переживала это десятки раз – сотни раз, – когда грезил в своей жалкой каморке на Эйнджел-Корт. Я и сейчас точно во сне. Обещайте, что не дадите профессору Хиггинсу разбудить меня: если он это сделает, я все позабуду и заговорю так, как привыкла на Друри-лейн.

Пикеринг. Ни слова, **Хиггинс.** (*Элизе.*) Ну что, готовы?

Лиза. Готова.

Пикеринг. Идем.

Они поднимаются по лестнице; Хиггинс идет последним. На первой площадке Пикеринг шепчет что-то лакею.

Лакей на первой площадке. Мисс Дулитл, полковник Пикеринг, профессор Хиггинс.

Лакей на второй площадке. Мисс Дулитл, полковник Пикеринг, профессор Хиггинс.

На верху лестницы принимают гостей Посол и его Жена; рядом с ними дежурит Непоммук.

Хозяйка (*берет Элизу за руку*). Здравствуйте!

Хозяин (*тот же жест*). Здравствуйте! Здравствуйте, Пикеринг!

Лиза (*с прелестной серьезностью, которая производит на хозяйку глубокое впечатление*). Здравствуйте! (*Проходит дальше, в гостиную.*)

Хозяйка. Это ваша приемная дочь, полковник? Кажется, вы приготовили нам сенсацию.

Пикеринг. Очень любезно с вашей стороны было пригласить ее со мной. (*Проходит дальше.*)

Хозяйка (*Непоммук*). Разузнайте о ней все что сможете.

Непоммук (*с поклоном*). Слушаюсь, ваше сс... (*Удаляется в толпу.*)

Хозяин. Как поживаете, Хиггинс? Сегодня у вас здесь конкурент. Он отрекомендовался вашим учеником. Что, действительно хорош?

Хиггинс. Он может вызубрить язык за две недели – знает их не один десяток. Верный признак идиота. Как фонетист – полная бездарность, и говорить не о чем.

Хозяйка. Здравствуйте, профессор!

Хиггинс. Здравствуйте. Как вам, должно быть, обрыдли все эти мероприятия! Простите, что принимаю участие. (*Проходит дальше.*)

В гостиной и смежных с нею залах полно народу – вечер в разгаре. Элиза проходит сквозь толпу. Она так сосредоточенна, что идет как лунатик в пустыне, а не как дебютантка на великосветском приеме. Гости прекращают беседу и оборачиваются ей вслед, восхищаясь ее нарядом и ее украшениями, подпадая под власть ее странного обаяния. Некоторые молодые люди на заднем плане забираются на стулья, чтобы лучше видеть.

Хозяин и Хозяйка подходят со стороны лестницы и смешиваются с толпой. Хиггинс, на лице которого написано угрюмое презрение ко всему происходящему, присоединяется к той группе, где завязался разговор между хозяевами и гостями.

Хозяйка. А вот и профессор Хиггинс – сейчас мы у него спросим. Расскажите нам об этой очаровательной молодой леди, профессор.

Хиггинс (*почти сердито*). О какой еще очаровательной молодой леди?

Хозяйка. Вы сами отлично знаете. Тут говорят, что в Лондоне уже давным-давно никто не производил такого фурора: в последний раз люди залезали на стулья, чтобы увидеть миссис Лэнгтри.

К группе подходит Непоммук; ему явно не терпится поделиться новостями.

Хозяйка. Ну, наконец-то вы вернулись, Непоммук. Разузнали что-нибудь о юной леди Дулитл?

Непоммук. Я разузнал о ней все. Она обманщица.

Хозяйка. Обманщица? Не может быть!

Непоммук. Да-да, уверяю вас. Но меня ей не провести. Ее фамилия не **Дулитл**.

Хиггинс. Это почему?

Непоммук. Потому что Дулитл – английская фамилия, а она не англичанка.

Хозяйка. Что за чепуха! Она прекрасно говорит по-английски.

Непоммук. Вот именно. Вы может показать мне хотя бы одну англичанку, которая говорит по-английски так, как положено говорить на этом языке? Только иностранцы, которые учились говорить на нем, говорят правильно.

Хозяйка. Она и вправду поразила меня тем, как сказала «здравствуйте». Так говорила моя учительница в школе, а я ее смертельно боялась. Но если эта леди не англичанка, то откуда же она?

Непоммук. Из Венгрии.

Все хором. Из Венгрии!

Непоммук. Да, она венгерка. Причем королевской крови. Я сам венгр. Я тоже королевской крови.

Хиггинс. Вы говорили с ней по-венгерски?

Непоммук. Говорил. Но она поступила очень умно. Она сказала: «Пожалуйста, говорите со мной по-английски: я не знаю французского». Французского! Она делает вид, что не отличает французский от венгерского. Ничего подобного: она знает оба.

Хиггинс. А королевская кровь? Откуда вы узнали про это?

Непоммук. Интуиция, маэстро, интуиция. Только у мадьяров бывает такой величественный осанка, такой решительный взгляд. Она принцесса.

Хозяин. А вы что скажете, профессор?

Хиггинс. А я скажу: обычная девица откуда-нибудь из лондонских трущоб, обученная специалистом. Я бы рискнул утверждать, что она с Друри-лейн.

Непоммук. Ха-ха-ха! Маэстро, маэстро, да вы просто помешан на диалектах кокни! Лондонские трущобы для вас целый мир.

Хиггинс (*хозяйке*). А что скажет ваше превосходительство?

Хозяйка. О, конечно, я согласна с Непоммуком. Она должна быть по меньшей мере принцессой.

Хозяин. Разумеется, не обязательно законным ребенком. Возможно, от морганатического брака... Но это, безусловно, ее уровень.

Хиггинс. Я остаюсь при своем мнении.

Хозяйка. Профессор, вы неисправимы!

Группа распадается; Хиггинс остается в одиночестве. К нему подходит Пикеринг.

Пикеринг. Где Элиза? Нам нужно за ней присматривать.

Элиза присоединяется к ним.

Лиза. Боюсь, что я вряд ли долго здесь выдержу. Все на меня пялятся. Какая-то пожилая леди сейчас сказала мне, что я говорю в точности как королева Виктория. Простите, если из-

за меня вы проиграли пари. Я старалась изо всех сил, но ничто не может сделать меня такой же, как эти люди.

Пикеринг. Нет-нет, дорогая. Вы не просто помогли профессору выиграть пари; вы сделали в десять раз больше, чем от вас требовалось.

Хиггинс. Я предлагаю уехать. Мне уже невозможно болтать с этими дураками.

Пикеринг. Элиза устала, а я проголодался. Давайте поедем куда-нибудь ужинать.

Действие четвертое

Лаборатория на Уимпол-стрит. Полночь. В комнате никого. Часы на каминной полке бьют двенадцать. Камин не затоплен: стоит лето.

Вскоре на лестнице раздаются голоса Хиггинса и Пикеринга.

Хиггинс (кричит вниз Пикерингу). Заприте дверь, Пик. Сегодня я больше не выйду.

Пикеринг. Ладно. Отпустить миссис Пирс? Нам ведь ничего не нужно?

Хиггинс. Нет, черт возьми!

Дверь открывает Элиза; она стоит за порогом, на освещенной площадке. На ней тот самый великолепный наряд, в котором она только что помогла Хиггинсу выиграть пари. Она подходит к очагу и включает там свет. Вид у нее усталый; ее бледность резко контрастирует с темными глазами и волосами, а выражение лица почти трагическое. Она снимает мантию, кладет цветы с веером на фортепиано и садится на скамью, молчаливая и задумчивая. Входит Хиггинс в вечернем костюме, в плаще и шляпе; он несет домашнюю куртку, которую захватил внизу. Сняв с себя шляпу и плащ, он небрежно швыряет их на журнальный столик; избавившись таким же образом и от фрака, надевает домашнюю куртку и утомленно падает в кресло у камина. Входит Пикеринг – на нем примерно такой же костюм. Он тоже снимает шляпу и плащ, собираясь бросить их поверх хиггинсовых, но медлит.

Пикеринг. Знаете что? Миссис Пирс нам задаст, если мы оставим вещи разбросанными в жилой комнате.

Хиггинс. Выкиньте их за перила в прихожую. Она завтра найдет и уберет. Решит, что мы напились.

Пикеринг. Пожалуй, мы действительно выпили чуть больше, чем следует. Есть письма?

Хиггинс. Не смотрел. (Пикеринг берет шляпы с плащами и отправляется вниз. Хиггинс, борясь с зевотой, напевает арию из «Девушки с Запада» Пуччини. Потом вдруг обрывает себя и восклицает.) Где, черт подери, мои тапочки?

Элиза мрачно смотрит на него; затем внезапно поднимается и выходит из комнаты.

Хиггинс снова зевает и возобновляет пение.

Возвращается Пикеринг с содержимым почтового ящика.

Пикеринг. Только реклама, да вот вам какое-то послание с короной. (Бросает рекламу в очаг и становится перед ним на коврике спиной к каминной решетке.)

Хиггинс (взглянув на письмо). От кредитора. (Отправляет его вслед за рекламой.)

Возвращается Элиза с большими стоптанными шлепанцами. Кладет их на ковер перед Хиггинсом и без единого слова занимает прежнее место.

Хиггинс (снова зевая). Боже! Ну и вечерок! Ну и сборище! Толпа безмозглых паяцев! (Поднимает ногу, чтобы развязать ботинок, и замечает шлепанцы. Бросив возиться со шнурком, смотрит на них так, будто они появились здесь по своей собственной воле.) Ага! Вот они!

Пикеринг (потягиваясь). Я немножко устал. Длинный был день. Прием в саду, потом ужин... Утомительно! Но вы выиграли пари, **Хиггинс**. Элиза сдала экзамен на отлично, правда?

Хиггинс (истово). Слава Богу, все позади!

Элизу передергивает, но они этого не видят. Она берет себя в руки и снова замирает, как изваяние.

Пикеринг. Вы нервничали на приеме? Я – да. А Элиза, похоже, ничуть.

Хиггинс. Она-то нет. За нее я не боялся. А у меня просто накопилась усталость за эти полгода. Сначала, когда занимались произношением, было интересно; но потом мне смер-

тельно надоело. Не будь нашего уговора, бросил бы все еще два месяца назад. В общем, что говорить – напрасно мы затеяли эту скукотищу.

Пикеринг. Бросьте! На приеме в саду было очень волнительно. У меня сердце так и колотилось.

Хиггинс. Да, в первые три минуты. Но когда я понял, что все пройдет гладко, еле заставил себя дотерпеть до конца – чуть не одурел от безделья, точно медведь в клетке. А ужин был еще хуже. Сидеть и обжираться больше часа, притом что единственный твой собеседник – передовая светская женщина, то есть полная дура! Нет, Пикеринг, довольно. Хватит с меня поддельных герцогинь. Труд адский, а ради чего?

Пикеринг. Просто вы так и не приучили себя к светским развлечениям. (*Направляется к фортепиано.*) А я их, грешным делом, иногда люблю: снова чувствуешь себя молодым. Но успех все-таки был огромный, просто потрясающий. Раз-другой я всерьез испугался – так хорошо она держалась. Вы же знаете, многие настоящие аристократы держатся из рук вон плохо: по глупости они считают, будто элегантность дается людям их положения от природы, и оттого ничему не учатся. Если человек делает что-то безупречно, в этом всегда проглядывает профессионализм.

Хиггинс. Да, меня это просто бесит: тупые людишки не умеют говорить, как им положено. (*Поднимается.*) Ну ладно, все кончено: можно лечь спать и не дрожать при мысли о завтрашнем дне.

Красота Элизы становится убийственной.

Пикеринг. Пожалуй, я тоже отправлюсь на боковую. Да, сегодня был ваш триумф. Спокойной ночи. (*Уходит.*)

Хиггинс (*идя за ним следом*). Спокойной ночи. (*Через плечо, у двери.*) Потуши свет, Элиза. И скажи миссис Пирс, чтобы утром не варила мне кофе: я буду пить чай. (*Выходит.*)

Элиза пытается взять себя в руки и не нервничать; она встает и идет к камину, чтобы выключить свет. Но когда она туда добирается, она уже на грани крика. Сев в кресло Хиггинса, она крепко сжимает его ручки. Наконец не выдерживает и судорожно бросается на пол, вне себя от ярости.

Хиггинс (*за дверью, сердитым голосом, в котором слышится безнадежность*). Дьявол! Куда я дел свои тапочки? (*Появляется на пороге.*)

Лиза (*хватает шлепанцы и изо всех сил швыряет их в него один за другим*). Вот вам тапочки. Вот. Берите их, и чтоб вам провалиться вместе с ними!

Хиггинс (*в изумлении*). Что за черт! (*Подходит к ней.*) В чем дело? А ну, встань. (*Поднимает ее с пола.*) Что стряслось?

Лиза (*задыхаясь от обиды*). С вами-то ничего. Я выиграла для вас пари, так? И вы довольны. А на меня вам плевать.

Хиггинс. Ты? Ты выиграла для меня пари? Ах ты, наглая козявка! Это я его выиграл! Почему ты швыряешься в меня тапочками?

Лиза. Потому что мне на вас смотреть тошно. Убила бы вас, самодовольного негодяя! Почему вы не оставили меня там, где нашли, – в канаве? Радуетесь, что все кончилось и теперь меня можно вышвырнуть, да? (*Свирепо хрустит пальцами.*)

Хиггинс (*глядя на нее с холодным удивлением*). Ясно: нервишки разыгрались.

У Элизы вырывается сдавленный вопль ярости, и она выдает на Хиггинса, норовя цапнуть ногтями ему в лицо.

Хиггинс (*хватая ее за запястья*). Ах так? Убери когти, дрянь. Да как ты смеешь показывать характер? Сядь и успокойся. (*Грубо толкает ее в кресло.*)

Лиза (*насуя перед превосходящей силой и весом противника*). Что со мной будет? Что будет?

Хиггинс. Почем я знаю, что с тобой будет! Кого это волнует, черт возьми?

Ли́за. Вам плевать. Я знаю, что вам плевать. Хоть я умри, вы и не почешетесь. Я для вас пустое место – навроде этих тапочек.

Хиггинс (*громовым голосом*). Вроде тапочек!

Ли́за (*с горькой покорностью*). Вроде тапочек. Какая теперь разница.

Пауза. Элиза выглядит безнадежно подавленной. Хиггинсу слегка не по себе.

Хиггинс (*крайне высокомерным тоном*). Почему ты позволяешь себе такие выходки? Разве здесь плохо с тобой обращались?

Ли́за. Нет.

Хиггинс. Тебя кто-нибудь обижал? Полковник Пикеринг? Миссис Пирс? Кто-то из слуг?

Ли́за. Нет.

Хиггинс. Надеюсь, на мое обращение ты тоже не жалуешься?

Ли́за. Нет.

Хиггинс. Приятно слышать. (*Смягчаясь.*) Может, ты просто устала сегодня – все-таки напряжение... Хочешь бокал шампанского? (*Делает шаг к двери.*)

Ли́за. Нет. (*Вспоминая о хороших манерах.*) Благодарю вас.

Хиггинс (*снова приходя в благодушное настроение*). Ты уже несколько дней не в духе. Я думал, ты волновалась перед этим приемом – что ж, вполне понятно. Но теперь все позади. (*Он ласково похлопывает ее по плечу. Она передергивается.*) Больше волноваться не о чем.

Ли́за. Да. Вам больше волноваться не о чем. (*Внезапно встает и отходит от него к скамье перед пианино; садится на нее и прячет лицо.*) О Господи! Лучше бы я умерла.

Хиггинс (*глядя на нее с искренним изумлением*). Да почему? Что с тобой такое? (*Подходит к ней и пытается ее урезонить.*) Послушай, Элиза. Твое раздражение чисто субъективно.

Ли́за. Я этих слов не понимаю. Я слишком невежественна.

Хиггинс. Все это одни фантазии. Депрессия, и больше ничего. Никто тебя не обижал. Все в порядке. Ложись в постель, выспись и забудь обо всем. Или поплачь, помолись: сразу настроение поднимется.

Ли́за. Слыхала я вашу молитву: «Слава Богу, все кончилось!»

Хиггинс (*нетерпеливо*). А ты не рада, что все кончилось? Теперь ты свободна и можешь делать что хочешь.

Ли́за (*собравшись с силами, отчаянно*). А что я могу? Чему вы меня научили? Куда мне идти? Чем заниматься? Что со мной будет?

Хиггинс (*поняв наконец, в чем дело, но отнюдь не обеспокоившись*). Так вот что тебя тревожит! (*Засовывает руки в карманы и принимается расхаживать по комнате в своей обычной манере, бренча содержимым карманов, точно снизойдя до этого пустячного разговора из чистого добродушия.*) Я бы на твоём месте не волновался. Думаю, тебе вовсе не составит труда так или иначе где-нибудь устроиться, хотя я как-то не сообразил, что ты нас покидаешь. (*Она бросает на него быстрый взгляд; он не смотрит на нее, поглощенный изучением блюда с десертом на пианино, и останавливает свой выбор на яблоке.*) Можно выйти замуж – это тебе в голову не приходило? (*Откусывает от яблока большой кусок и громко хрустит им.*) Не все же такие закоренелые холостяки, как мы с полковником. Многие мужчины не прочь жениться, бедняги; а ты недурна собой. Иногда на тебя приятно посмотреть – только не сейчас, когда ты вся зареванная и противная как черт знает кто; но вообще-то, когда ты в нормальном состоянии, тебя даже можно назвать привлекательной. То есть для тех, кто не прочь жениться, – ну, ты меня понимаешь. В общем, отправляйся-ка ты в постель да отдохни как следует, а утром встань и посмотри на себя в зеркало – я уверен, что тогда все твои тревоги как рукой снимет.

Элиза вновь безмолвно смотрит на него, не двигаясь с места. Но Хиггинс не видит этого выразительного взгляда: он жуёт с выражением безмятежного счастья, поскольку яблоко попало хорошее.

Хиггинс (*ему в голову напоследок приходит еще одна гениальная мысль*). Думаю, мать запросто подберет тебе какую-нибудь неплохую партию.

Лиза. На Тоттнем-Корт-роуд мы были выше этого.

Хиггинс (*очнувшись*). Что-что?

Лиза. Я продавала цветы. А не себя. Но теперь, когда вы сделали из меня леди, мне больше продавать нечего. Лучше бы я осталась там, где вы меня нашли.

Хиггинс (*решительно метнув огрызок яблока в камин*). Чушь, Элиза. Человеческие отношения не имеют ничего общего с куплей-продажей. Если жених тебе не понравится, ты можешь за него не выходить!

Лиза. А какой у меня еще выбор?

Хиггинс. Можно подумать, у тебя его нет! Как насчет того же цветочного магазина? Пикеринг поможет начать, у него уйма денег. (*Посмеиваясь*.) Ему придется заплатить за тот наряд, который был на тебе сегодня; и это, вместе с прокатом украшений, будет стоить ему, наверное, чуть ли не две сотни. Слушай, ведь полгода назад иметь собственный цветочный магазин казалось тебе несбыточной мечтой! Так что нечего горевать! Все наладится. Я пойду: устал как дьявол, сейчас засну на ходу. Между прочим, зачем я пришел?

Лиза. За тапочками.

Хиггинс. Ах да, конечно. Ты их в меня бросила. (*Поднимает тапочки и идет прочь, но не успевает покинуть комнату, так как она встает и окликает его*.)

Лиза. Один вопрос, сэр...

Хиггинс (*роняет тапочки, опешив от такого необычного обращения*). Да?

Лиза. Кому принадлежит моя одежда – мне или полковнику Пикерингу?

Хиггинс (*возвращаясь в комнату, словно ее вопрос был верхом нелепости*). На кой черт она полковнику?

Лиза. Например, для следующей девушки, над которой вы будете экспериментировать.

Хиггинс (*шокированный и оскорбленный*). Ты это всерьез?

Лиза. Я не хочу больше говорить об этом. Скажите только, моя это одежда или нет. Ведь старую вы сожгли.

Хиггинс. Подумаешь, проблема! Ты что, не можешь подождать с этими выяснениями до утра?

Лиза. Мне надо знать, что я могу взять с собой. Я не хочу, чтобы меня обвинили в краже.

Хиггинс (*негодующе*). В краже! Не надо так говорить, Элиза. Ты хочешь меня обидеть?

Лиза. Извините. Я простая глупая девушка, и мне надо быть осторожной. Разве такая, как я, может обидеть такого, как вы? Пожалуйста, скажите, что тут мое, а что нет!

Хиггинс (*наступившись*). Да забирай что угодно, хоть всю мебель вынеси. Только драгоценности оставь. Я должен их вернуть. Это тебя устраивает? (*Разворачивается и собирается уйти, уязвленный до глубины души*.)

Лиза (*упиваясь его обидой, как нектаром, и стараясь задеть его еще сильнее*). Одну минуту. (*Снимает с себя драгоценности*.) Возьмите их с собой, хорошо? А то, не дай Бог, пропадут.

Хиггинс (*в ярости*). Давай сюда. (*Она отдает их ему*.) Если б они были мои, а не ювелира, я запихнул бы их тебе в глотку, паршивка. (*Небрежно запихивает драгоценности в карманы, и они свисают оттуда, будто елочные украшения*.)

Лиза (*снимая кольцо*). Это кольцо не от ювелира. Вы купили его для меня в Брайтоне. Оно мне больше не нужно. (*Хиггинс свирепо швыряет кольцо в камин и оборачивается к ней с таким угрожающим видом, что она пригибается к пианино, закрыв лицо руками, и восклицает*.) Не троньте меня!

Хиггинс. Неблагодарная свинья, да как ты смеешь! Это я тебя трогаю? Да ты мне в душу плюнула!

Лиза (*снедаемая подспудным восторгом*). И очень рада. Хотя что-то свое я себе вернула!

Хиггинс (*с достоинством, в самой безупречной профессиональной манере*). По твоей милости я вышел из себя: насколько я помню, такого со мной еще не бывало. С меня довольно. Я иду спать.

Лиза (*ядовито*). Оставьте миссис Пирс записочку насчет кофе, потому что я ей ничего передавать не буду.

Хиггинс (*сухо*). Черт бы побрал миссис Пирс; черт бы побрал кофе; черт бы побрал тебя; и (*свирепо*) черт бы побрал мою глупость, потому что я тратил свои бесценные знания и трудился не покладая рук ради такой бессердечной дряни! (*Величественно выходит, но портит все впечатление, в сердцах хлопнув дверью.*)

Элиза опускается на колени на коврик перед камином, чтобы отыскать кольцо. Найдя его, она некоторое время размышляет, что с ним делать. Затем швыряет его на столик и, вне себя от ярости, поднимается вверх.

* * *

Мебели в комнате Элизы прибавилось: теперь здесь появились большой гардероб и роскошный туалетный столик с зеркалом. Она входит и включает свет. Подойдя к гардеробу, она открывает его, достает дорожный костюм, шляпку и пару туфель и кидает все это на кровать. Потом снимает вечернее платье и туфли, извлекает из гардероба «плечики», подбитые мягкой материей, аккуратно вешает на них вечернее платье и, убрав его в гардероб, с треском захлопывает дверцу. Надевает дорожный костюм, обувь и шляпку. Берет со столика наручные часы и застегивает их на руке. Натягивает перчатки; берет сумочку и, прежде чем повесить ее на запястье, заглядывает внутрь, чтобы проверить, на месте ли кошелек. Закончив все эти манипуляции, она направляется к двери. Каждое ее движение выдает гневную решимость.

Напоследок она смотрится в зеркало. Неожиданно она показывает себе язык; потом выходит из комнаты, предварительно потушив свет.

Тем временем на улице перед домом Фредди Эйнсфорд-Хилл, совсем потерявший голову от любви, не сводит глаз с окон третьего этажа, одно из которых еще горит.

Свет в окне гаснет.

Фредди. Доброй ночи, любовь моя, доброй ночи!

Элиза выходит из дома и энергично захлопывает за собой дверь.

Лиза. Что вы здесь делаете?

Фредди. Ничего. Я провожу здесь почти все вечера. Это единственное место, где я счастлив. Не смейтесь надо мной, мисс Дулитл.

Лиза. Не надо называть меня мисс Дулитл, слышите? Довольно с меня и Лизы. (*Теряет самообладание и хватает его за плечи.*) Фредди! Вы же не считаете меня бессердечной дрянью, правда?

Фредди. О нет, нет, любовь моя, – как такое могло прийти вам в голову? Вы самая чудесная, самая необыкновенная...

Не удержавшись, он принимается душить ее поцелуями. Соскучившись по ласке, она отвечает. Они стоят, сжимая друг друга в объятиях.

Появляется пожилой Констебль.

Констебль (*возмущенно*). Эй, любезные! Слышите? Любезные!!!

Они поспешно отпускают друг друга.

Фредди. Извините, констебль. Мы только что обручились.

Они убегают.

Констебль качает головой, размышляя о своем собственном жениховстве во время оно и о тишине человеческих надежд. Затем профессионально неспешным шагом удаляется в противоположном направлении.

Волей случая влюбленные оказываются на Кавендиш-сквер. Здесь они останавливаются, дабы обдумать свои дальнейшие действия.

Лиза (задыхаясь). И вовсе он меня не напугал, этот олух. Но ты ему ловко ответил.

Фредди. Надеюсь, я не расстроил твоих планов. Куда ты собиралась?

Лиза. На реку.

Фредди. Зачем?

Лиза. Сделать «плюх».

Фредди (в ужасе). Элиза, милая! О чем это ты? Что стряслось?

Лиза. Ничего. Теперь это неважно. Теперь на всем белом свете есть только ты и я, правда?

Фредди. И больше ни души.

Они вновь соединяются в объятиях, но их опять спугивает Констебль, на сей раз намного моложе.

Второй Констебль. Эй, любезные! Это еще что такое? Что это вы затеяли? А ну-ка, ступайте сюда, да поживей!

Фредди. Как скажете, сэр: поживей так поживей.

Они снова пускаются бежать и останавливаются для очередного совещания лишь на Ганновер-сквер.

Фредди. Понятия не имел, что полицейские такие ханжи.

Лиза. Это их обязанность – прогонять уличных девиц.

Фредди. Нам надо куда-то пойти. Не бродить же по городу всю ночь.

Лиза. А почему бы и нет? По-моему, это было бы чудесно – вечно бродить по нему вдвоем.

Фредди. Ах, милая!

Они вновь обнимаются, не замечая, что к ним тихонько подкатывает такси. Оно тормозит рядом.

Таксист. Не угодно ли проехать куда-нибудь вместе с леди, сэр?

Они резко отскакивают друг от друга.

Лиза. Ой, Фредди, такси. Очень кстати.

Фредди. Но у меня нет денег, черт побери!

Лиза. Зато у меня их куча. Полковник считает, что нельзя выходить из дому, не имея в кармане хотя бы десяти фунтов. Слушай. Мы будем кататься всю ночь, а утром я загляну к миссис Хиггинс и спрошу, что мне делать. Я расскажу тебе обо всем в машине. И полицейские нас там не тронут.

Фредди. И то правда. Шикарный план! (Таксисту.) В Уимблдон. (Отъезжают.)

Действие пятое

Гостиная миссис Хиггинс. Хозяйка, как и прежде, сидит за письменным столом. Входит горничная.

Горничная (с порога). Пришли мистер Генри и полковник Пикеринг, мэм.

Миссис Хиггинс. Проси их сюда.

Горничная. Они звонят по телефону, мэм. Кажется, в полицию.

Миссис Хиггинс. Что?

Горничная (подходя ближе и понижая голос). Мистер Генри прямо не в себе, мэм. Я подумала, лучше скажу вам.

Миссис Хиггинс. Ну, ничего удивительного: это его обычное состояние. Все равно, проси их сюда, когда они поговорят с полицией. Думаю, он просто что-нибудь потерял.

Горничная. Хорошо, мэм. (Собирается идти.)

Миссис Хиггинс. И еще, поднимись наверх и скажи мисс Дулитл, что мистер Генри с полковником здесь. Но пусть не спускается, пока я не позову.

Горничная. Хорошо, мэм.

Врывается Хиггинс. Он, как и предупредила горничная, не в себе.

Хиггинс. Слушай, мама, это черт знает что!

Миссис Хиггинс. Да, милый. Доброе утро. (Он берет себя в руки и целует ее; потом дожидается, пока уйдет горничная.) Что случилось?

Хиггинс. Элиза сбежала.

Миссис Хиггинс (спокойно продолжает писать). Наверно, вы ее напугали.

Хиггинс. Напугали? Чушь! Вчера ее оставили, как обычно, потушить свет и тому подобное, а она, вместо того чтобы лечь спать, переоделась и удрала: ее постель нетронута. А сегодня утром, когда еще не было семи, явилась на такси за своими вещами, и эта дура, миссис Пирс, отдала их ей, не сказав мне ни слова. Что теперь прикажешь делать?

Миссис Хиггинс. Обходиться без нее, милый. Она имеет полное право покинуть твой дом, если ей этого хочется.

Хиггинс (в смятении бродит по комнате). Но я ничего не могу найти. Не помню, кому назначил встречи. Я...

Входит Пикеринг. Миссис Хиггинс откладывает ручку и поворачивается к мужчинам.

Пикеринг (пожимая ей руку). Доброе утро, миссис Хиггинс. Генри вам сообщил? (Садится на тахту.)

Хиггинс. Что сказал этот болван инспектор? Вы назначили награду?

Миссис Хиггинс (поднимаясь в изумлении и негодовании). Неужели вы решили искать Элизу с полицией?

Хиггинс. Ну да. А зачем существует полиция? Что нам еще было делать? (Садится на елизаветинский стул.)

Пикеринг. Инспектор говорил уклончиво. Кажется, он подозревает нас в каких-то нечистых намерениях.

Миссис Хиггинс. Неудивительно. Какое право вы имеете заявлять о ней в полицию, словно она воровка, или потерянный зонтик, или бог знает что еще? Безобразие! (Снова садится, глубоко возмущенная.)

Хиггинс. Но мы должны ее найти.

Пикеринг. Нельзя же оставить все как есть, миссис Хиггинс. Какой у нас еще выбор?

Миссис Хиггинс. Ей-богу, вы точно малые дети. Почему, скажите на милость...

Вошедшая горничная прерывает разговор.

Горничная. Мистер Генри, вас очень хочет видеть один джентльмен. Его отправили сюда с Уимпол-стрит.

Хиггинс. Еще не хватало! Не хочу ни с кем говорить. Кто он?

Горничная. Какой-то мистер Дулитл, сэр.

Пикеринг. Дулитл? Мусорщик?

Горничная. О нет, сэр, – это джентльмен.

Хиггинс (*возбужденно вскакивает*). Чтоб меня, Пик! Наверно, это ее родич, к которому она сбежала. Кто-нибудь, о ком мы не знаем. (*Горничной.*) Давайте его сюда, живо.

Горничная. Слушаюсь, сэр. (*Выходит.*)

Хиггинс (*нетерпеливо, подходя к матери*). Чертовы родственники! Сейчас что-нибудь узнаем. (*Усаживается в чиппендейловское кресло.*)

Миссис Хиггинс. Вы знакомы с ее родней?

Пикеринг. Только с отцом, мы вам о нем говорили.

Горничная (*появляясь на пороге*). Мистер Дулитл. (*Исчезает.*)

Входит Дулитл. Он одет в великолепный костюм, точно собрался на свадьбу, причем в роли главного действующего лица. Цветок в петлице, ослепительный шелковый цилиндр и лакированные туфли довершают картину. Он слишком озабочен делом, по которому пришел, чтобы заметить миссис Хиггинс. Он направляется прямо к Хиггинсу и обращается к нему с горькой укоризной.

Дулитл (*указывая на себя самого*). Смотрите! Видите? Это ваша работа.

Хиггинс. О чем это вы?

Дулитл. Вот о чем. Вот, посмотрите. Шляпа. Костюм.

Пикеринг. Это Элиза вам купила?

Дулитл. Элиза! Как же! С чего ей меня одевать?

Миссис Хиггинс. Доброе утро, мистер Дулитл. Не угодно ли присесть?

Дулитл (*пристыженный тем, что не заметил хозяйки*). Прошу прощения, мадам. (*Подходит к ней и пожимает ее протянутую руку.*) Благодарю вас. (*Садится на тахту, справа от Пикеринга.*) Я так огорчен тем, что со мной случилось, – прямо всякое соображение отшибло.

Хиггинс. Да что с вами случилось, черт побери?

Дулитл. Ладно, если бы это была просто судьба: на свете бывает всякое, и на все, как говорится, воля Божья. Но это сделали со мной вы – да-да, вы, Генри Иггинс.

Хиггинс. Вы нашли Элизу?

Дулитл. А вы ее потеряли?

Хиггинс. Да.

Дулитл. Вот уж повезло так повезло. Нет, я ее не находил; но после того, что вы со мной сотворили, она найдет меня очень скоро.

Миссис Хиггинс. Но что сотворил с вами мой сын, мистер Дулитл?

Дулитл. О! Он погубил меня. Лишил меня счастья. Связал по рукам и ногам и отдал в рабство буржуазной морали.

Хиггинс (*поднимается, не в силах сдержаться, и нависает над Дулитлом*). Вы пьяны. Несете околесицу. Вы с ума сошли. Я дал вам пять фунтов. Потом еще пару раз говорил с вами, причем эти разговоры тоже обошлись мне примерно по полкроны в час. И с тех пор больше не видел.

Дулитл. Значит, я пьян? Сошел с ума? Нет, вы ответьте. Вы писали письмо американскому старикашке, который выделил пять миллионов на основание Всемирного общества возрождения морали и просил вас изобрести универсальный язык?

Хиггинс. А! Эзре Уоннафеллеру? Так он умер. (*Снова беззаботно садится на прежнее место.*)

Дулитл. Да, он умер, а я погиб. А писали ли вы ему о том, что считаете самым оригинальным моралистом из ныне живущих в Англии некоего Альфреда Дулитла, простого мусорщика?

Хиггинс. Кажется, я действительно глупо пошутил по этому поводу.

Дулитл. По-вашему, это глупая шутка. Да это сущее преступление. Вы дали ему возможность показать, что американцы, в отличие от нас, уважают истинно талантливых людей даже из низших слоев общества. Так он написал в своем завещании, и вдобавок, благодаря вашей глупой шутке, завещал мне три тысячи годового дохода от своих сыроварен с условием, чтобы я читал лекции в Обществе морального возрождения имени Уоннафеллера по первому требованию, до шести раз в год.

Хиггинс. Неужели? Ну и ну! *(Неожиданно просветлев.)* Вот забавно!

Пикеринг. Это же прекрасно, Дулитл. Что вас смущает?

Дулитл. Лекций-то я не боюсь. Это мне ничего не стоит – я им прочту какую хошь лекцию и глазом не моргну. Но мне не нравится, что из меня сделали джентльмена. Кто его просил делать из меня джентльмена? Я был счастлив. Свободен. Я брал у всех помаленьку, когда нуждался в деньгах, вот как у вас, Генри Иггинс. А теперь я сам себе не принадлежу, и все берут у меня. Вам-де можно позавидовать, говорит мой адвокат. Да неужто, отвечаю я! Это вам можно позавидовать! Когда я был бедным человеком, у меня однажды был адвокат – после того, как в мусорном фургоне нашли детскую коляску. Так он меня вытащил и избавился от меня в один момент. То же самое и с медициной. Раньше меня выкидывали из больницы еле живого, потому что мне нечем было платить. А теперь я, оказывается, нездоров, и врачи шастают ко мне по два раза на дню без всякого вызова. Дома мне не дают и пальцем пошевелить: каждую мелочь делают за меня, а потом я им за это отстегивай. Год назад у меня было два или три родственника, да и те со мной знаться не желали. Теперь их пятьдесят, и ни один не зарабатывает прилично. Я вынужден жить для других, а не для себя, – вот она, буржуазная мораль! Вы говорите, что потеряли Элизу. Можете не беспокоиться: и дня не пройдет, как она появится у меня на пороге – это она-то, которая отлично смогла бы кормить себя торговлей цветами, кабы я не стал порядочным членом общества! И следующим, кому мне придется отстегнуть, будете вы, Генри Иггинс. Потому что я должен научиться буржуазному языку вместо нормального английского. Без вас мне не обойтись; и я думаю, что ради этого-то вы все и затеяли.

Миссис Хиггинс. Но, мой дорогой мистер Дулитл, если все это так серьезно, кто же вас заставляет терпеть? Вы ведь можете не принимать дара. Отказаться от него. Правда, полковник?

Пикеринг. Полагаю, что да.

Дулитл *(смягчая тон из уважения к ее полу).* В этом-то и трагедия, мадам. Вам легко говорить; но у меня не хватает мужества. А у кого хватило бы? Все мы чересчур робки. Робки – вот верное слово, мадам. Что мне тогда останется – работный дом на старости лет? Мне уже сейчас приходится волосы красить, чтоб сохранить должность мусорщика. Кабы я был достойным бедняком и откладывал деньги, тогда другое дело, – но с чего б мне в таком случае было отказываться, ведь достойные живут не счастливей миллионеров. Они не понимают, в чем счастье. Но я недостойный, и все, что отделяет меня от нищеты, – это те самые проклятые три тысячи в год, чтоб им пусто было. Извините за выражение, мадам, но вы бы тоже не удержались на моем месте. Я должен выбирать между Скимлой работного дома и Харбиддой состоятельной жизни, но у меня не хватает духу выбрать работный дом. Робок я, вот в чем вся беда. Меня сломали. Купили. Теперь те, кто посчастливей, будут собирать вместо меня мусор, а я им буду платить как миленький да завидовать. Вот что натворил ваш сын. *(Его переполняют эмоции.)*

Миссис Хиггинс. По-моему, вы сделали совершенно правильный выбор, мистер Дулитл. Ведь вы обеспечите будущее Элизы. Вы сможете о ней позаботиться.

Дулитл (*с меланхолической покорностью*). Да, мадам; о ком я теперь только не забочусь на свои жалкие три тысячи.

Хиггинс (*вскакивая*). Чушь! Он не может и не будет о ней заботиться. Она ему не принадлежит. Я ее купил за пять фунтов. Дулитл, вы честный человек или мошенник?

Дулитл (*терпеливо*). И то и другое, Генри, как любой из нас, – и то и другое.

Хиггинс. Вы взяли деньги за эту девушку и теперь не имеете на нее никаких прав.

Миссис Хиггинс. Не говори глупостей, Генри. Если хочешь знать, Элиза здесь, наверху.

Хиггинс (*потрясенный*). Наверху?! Ну что ж, сейчас я притащу ее вниз. (*Решительно направляется к двери.*)

Миссис Хиггинс (*поднимаясь и следуя за ним*). Успокойся, Генри. Сядь.

Хиггинс. Но я...

Миссис Хиггинс. Сядь, милый, и послушай меня.

Хиггинс. Ну ладно, ладно, ладно. (*Сердито плюхается на тахту, отвернувшись лицом к окнам.*) Но по-моему, ты могла бы сказать об этом полчаса назад.

Миссис Хиггинс. Элиза пришла ко мне утром. Она рассказала, как жестоко вы с ней обошлись!

Хиггинс (*снова вскакивая*). Что?

Пикеринг (*тоже поднимаясь*). Дорогая миссис Хиггинс, она все выдумала. Мы ни в чем не виноваты. Мы почти не говорили с ней и расстались друзьями. (*Оборачиваясь к Хиггинсу.*) Вы, часом, не оскорбили ее, после того как я лег спать?

Хиггинс. Наоборот. Она бросила тапочки мне в лицо. Она как с цепи сорвалась. Я не давал ей ни малейшего повода. Только вошел в комнату, не успел рта раскрыть, как бац тапочками! Да еще обругала последними словами.

Пикеринг (*ошеломленно*). Но почему? Что мы ей сделали?

Миссис Хиггинс. Я-то прекрасно знаю, что вы ей сделали. У девушки очень чувствительная душа. Правда, мистер Дулитл?

Дулитл. Да, мадам, золотое сердце. Это у нее от меня.

Миссис Хиггинс. Вот-вот. Она привязалась к вам обоим. Трудилась для тебя, Генри, – трудилась изо всех сил. Вряд ли ты понимаешь, как сложно девушке с ее биографией заниматься умственным трудом. А когда наступил день решающего испытания и она прошла его великолепно, без единой осечки, вы двое не сказали ей ни слова, только говорили друг другу, как вы рады, что все кончилось, и как вам все надоело. А потом еще удивляетесь, что она стала кидаться тапочками! Я бы кидалась утюгами.

Хиггинс. Мы только сказали, что устали и хотим спать. Разве не так, Пик?

Пикеринг (*пожимая плечами*). Ну да.

Миссис Хиггинс (*иронически*). И больше ничего?

Пикеринг. Ну конечно. Правда, это все.

Миссис Хиггинс. Вы не поблагодарили ее, не приласкали, не похвалили, ничего подобного?

Хиггинс (*нетерпеливо*). Да зачем? Ведь и без речей все понятно!

Пикеринг (*чувствуя угрызения совести*). Пожалуй, мы и впрямь проявили невнимание. Она очень сердита?

Миссис Хиггинс (*возвращаясь на свое место за письменным столом*). Боюсь, она больше не вернется на Уимпол-стрит, тем более что мистер Дулитл может теперь обеспечить ей приличное существование в том качестве, какое вы ей навязали; но она говорит, что не держит на вас зла и готова оставаться с вами в хороших отношениях.

Хиггинс (*в ярости*). Ах так, черт побери? Ха!

Миссис Хиггинс. Если ты обещаешь взять себя в руки, Генри, я приглашу ее спуститься. А нет, так иди домой; у меня хватает своих дел.

Хиггинс. Что ж, хорошо. Держи себя в руках, Пик. Будем молиться на эту девку, которую мы вытащили из грязи. *(Мрачно усаживается на елизаветинский стул.)*

Дулитл *(протестуя)*. Эй-эй, Генри Иггинс! Я человек состоятельный, и вы должны шадить мои чувства.

Миссис Хиггинс. Следи за собой, Генри. *(Нажимает кнопку звонка на своем столе.)* Мистер Дулитл, вы не могли бы на минутку выйти на балкон? Прежде чем Элиза узнает ошеломляющие новости о вас, пусть разберется с этими двумя джентльменами. Не возражаете?

Дулитл. Как вам угодно, мадам. Готов на все, чтобы она не села мне на шею. *(Исчезает в окне.)*

Входит горничная. Пикеринг садится на место Дулитла.

Миссис Хиггинс. Попросите мисс Дулитл спуститься сюда, пожалуйста.

Горничная. Хорошо, мэм. *(Выходит.)*

Миссис Хиггинс. Ну, Генри, смотри же.

Хиггинс. Я совершенно спокоен.

Пикеринг. Он постарается, миссис Хиггинс.

Пауза. Хиггинс откидывает назад голову, вытягивает ноги, потом принимается насвистывать.

Миссис Хиггинс. Генри, милый, в этой позе ты выглядишь не слишком привлекательно.

Хиггинс *(возвращается в нормальное положение)*. Я и не стремлюсь выглядеть привлекательно, мама.

Миссис Хиггинс. Впрочем, это неважно. Я просто хотела заставить тебя что-нибудь сказать.

Хиггинс. Зачем?

Миссис Хиггинс. Затем, что нельзя говорить и свистеть в одно и то же время.

Хиггинс выпускает стон. Наступает очередная крайне томительная пауза.

Хиггинс *(вскакивает, потеряв терпение)*. Куда она провалилась? Весь день ее ждать, черт возьми?

Входит Элиза – она в отличном настроении, полностью владеет собой и демонстрирует безупречную непринужденность манер. В руках у нее корзинка с вязаньем, и вообще она держится как дома. Пикеринг настолько поражен, что даже забывает встать.

Лиза. Здравствуйте, профессор Хиггинс. Как поживаете?

Хиггинс *(чуть не задохнувшись)*. Как по... *(Он не в силах договорить.)*

Лиза. Надеюсь, неплохо, ведь вы никогда не болеете. Рада вас видеть, полковник Пикеринг. *(Он поспешно подымается, чтобы обменяться с ней рукопожатием.)* Прохладное утро, вы не находите? *(Она садится слева от него. Он опускается на тахту рядом с ней.)*

Хиггинс. Хватит этих штучек. Я сам им тебя научил, меня не обманешь. Брось валять дурака, вставай и пошли домой.

Элиза вынимает из корзинки вязанье и принимается за работу, ни в малейшей степени не реагируя на эту вспышку.

Миссис Хиггинс. Великолпно, Генри. Какая женщина устоит перед таким приглашением?

Хиггинс. Оставь ее в покое, мама. Пусть отвечает сама. Ты увидишь, есть ли у нее в голове хоть одна своя мысль, а на языке хоть одно свое слово. Я сделал ее из жалкой гнилой кочерыжки с Ковент-Гарден, а теперь она изображает передо мной утонченную леди.

Миссис Хиггинс *(безмятежно)*. Конечно, милый; но, может, ты сядешь?

Хиггинс вновь садится, раздраженный донельзя.

Лиза (*Пикерингу, словно не замечая Хиггинса и ловко орудуя спицами*). А вы тоже знать меня не хотите – теперь, когда кончен ваш эксперимент?

Пикеринг. Что вы. Не надо называть это экспериментом. Меня это отчего-то коробит.

Лиза. Я ведь всего лишь гнилая кочерыжка...

Пикеринг (*горячо*). Нет!

Лиза (*спокойно продолжает*). ...но я вам стольким обязана, поэтому мне было бы очень горько, если бы вы меня забыли.

Пикеринг. Вы очень добры, мисс Дулитл.

Лиза. Дело не в том, что вы покупали мне платья. Я знаю, как вы щедры со всеми. Но именно у вас я научилась хорошим манерам, а разве не это главное достоинство настоящей леди? А как это было трудно, ведь у меня перед глазами всегда был профессор Хиггинс! Я могла бы стать раздражительной, неряшливой и сыпать ругательствами, как он. И если бы не вы, я так и не узнала бы, что истинные леди и джентльмены ведут себя совсем иначе.

Хиггинс. Ну, знаешь!

Пикеринг. Так уж он привык, мисс Дулитл. Он этого даже не замечает.

Лиза. О, я тоже многого не замечала, когда была цветочницей. И тоже ко многому привыкла. Только вы видите, что мне удалось и кое от чего отвыкнуть, – а ведь в это, в конце концов, и есть самое главное.

Пикеринг. Бесспорно. Однако он научил вас говорить, а я не смог бы этого сделать.

Лиза (*небрежно*). Конечно, это его профессия.

Хиггинс. Дьяволыщина!

Лиза (*продолжая*). Это все равно что научить модным танцам, и ничему больше. Но знаете, с чего началось мое настоящее образование?

Пикеринг. С чего?

Лиза (*на мгновение перестав вязать*). Как только я появилась на Уимпол-стрит, вы стали называть меня «мисс Дулитл». И я начала себя уважать. (*Она снова принимается за работу.*) Были еще сотни мелочей, которых вы не замечали, так они для вас естественны. Например, вставать, и снимать шляпу, и открывать дверь...

Пикеринг. Какая ерунда!

Лиза. Нет, не ерунда. Вы держались со мной так, словно я больше, чем простая судомойка; хотя я, конечно, знаю, что и с судомойкой вы вели бы себя точно так же. Вы никогда не снимали сапог в столовой, если там была я.

Пикеринг. Не надо винить Хиггинса. Он разбрасывает вещи по всей квартире.

Лиза. Знаю. Я его не виню. Так уж он привык, правда? Но для меня было очень важно, что этого не делали вы. Видите ли, кроме того, что может выучить каждый, – манеры одеваться, говорить и так далее, разница между леди и простой цветочницей состоит не в том, как ведет себя она, а в том, как относятся к ней. Для профессора Хиггинса я всегда была и буду цветочницей, потому что он так ко мне относится; но для вас я всегда была и буду леди, потому что вы всегда относились ко мне именно как к леди.

Миссис Хиггинс. Пожалуйста, не скрипи зубами, Генри.

Пикеринг. Вы очень добры, мисс Дулитл.

Лиза. Если вы не против, зовите меня просто Элизой.

Пикеринг. Благодарю вас, Элиза. С удовольствием.

Лиза. А профессор Хиггинс пусть зовет меня мисс Дулитл.

Хиггинс. Черта с два дождешься!

Миссис Хиггинс. Генри! Генри!

Пикеринг (*со смехом*). Почему вы не обругаете его в ответ? Не надо сдерживаться. Ему это будет полезно.

Лиза. Не могу. Когда-то могла, но теперь разучилась. Помните, вы рассказывали мне, что, когда ребенок попадает в чужую страну, он перенимает чужой язык за несколько недель, а родной забывает? Вот и я так же. Я забыла родной язык и могу говорить только на вашем. Тотнем-Корт-роуд осталась в прошлом. А теперь и Уимпол-стрит тоже.

Пикеринг (*очень взволнованно*). О! Но разве вы не вернетесь на Уимпол-стрит? Вы не простите Хиггинса?

Хиггинс (*поднимаясь*). Простить? Да черт с ней! Пусть катится! Поглядим, как она без нас обойдется. Без меня она через месяц снова окажется в канаве.

В центральном окне появляется Дулитл. Глядя на Хиггинса с величественным укором, он медленно и неслышно движется к дочери, а та, стоя спиной к окну, не замечает его приближения.

Пикеринг. Он неисправим, Элиза. Но вы не возьметесь за старое?

Лиза. Ни за что. Дело сделано. Я уже никогда не стану такой, как была. Думаю, даже при желании я не смогла бы воспроизвести те звуки, которые издавала тогда. (*Дулитл дотрагивается до ее левого плеча. Она роняет работу, абсолютно потеряв самообладание при виде отца в столь ослепительном наряде.*) А-а-а-а-у-у!

Хиггинс (*с восторженным воплем*). Ага! Вот оно! А-а-а-у-у! А-а-а-у-у! А-а-а-у-у! Победа! Победа! (*Торжествуя плюхается на диван, складывает руки на груди и разваливается в надменной позе.*)

Дулитл. Разве девочка заслуживает упрека? Не гляди на меня так, Элиза. Я не виноват. На меня свалилось состояние.

Лиза. Похоже, на этот раз ты обработал миллионера, папа.

Дулитл. Вроде того. Но нынче у меня праздник. Иду в церковь Сент-Джордж, на Ганновер-сквер. Твоя мачеха выходит за меня замуж.

Лиза (*сердито*). Неужели ты собираешься унизить себя женитьбой на этой грубой, простой женщине?

Пикеринг (*спокойно*). Это его долг, Элиза. (*Дулитлу.*) Почему она изменила свою позицию?

Дулитл (*грустно*). Оробела, хозяин. Оробела. Буржуазная мораль берет свое. Надевай шляпку, Элиза, и пойдем – поглядишь, как меня окрутят.

Лиза. Если полковник считает, что я должна... то я... я... (*чуть не плача*). готова унижаться. И вытерпеть ее ругань, как всегда.

Дулитл. Не бойся, Элиза, теперь ей не до ругани, бедняжке! Состоятельность лишила ее характера.

Пикеринг (*мягко пожимая Элизе локоть*). Будь ласкова с ними, Элиза. Постарайся.

Лиза (*через силу выжимая из себя улыбку*). Ладно, покажу, что я ни на кого не в обиде. Я сейчас вернусь. (*Выходит.*)

Дулитл (*усаживаясь рядом с Пикерингом*). Душа у меня не на месте, полковник. Пойдемте со мной, помогите мне пройти через это.

Пикеринг. Разве это вам внове? Вы ведь были женаты на матери Элизы.

Дулитл. Кто вам сказал, полковник?

Пикеринг. Никто. Я сам сделал вывод... это естественно...

Дулитл. Вовсе даже не естественно: этого требует одна буржуазная мораль. А я всегда был недостойным. Только Элизе не говорите. Она ничего не знает: я всегда боялся задеть ее чувства.

Пикеринг. Хорошо. Обещаю, что буду молчать.

Дулитл. И вы пойдете со мной в церковь, поддержите меня?

Пикеринг. С удовольствием. Хоть я и холостяк.

Миссис Хиггинс. А мне можно пойти с вами, мистер Дулитл? Мне очень хочется посмотреть на вашу свадьбу.

Дулитл. Почту за честь, мадам; а моя бедная старуха будет просто без ума от восторга. А то она совсем пала духом – все вспоминает наши счастливые денечки, которых уж не вернуть.

Миссис Хиггинс (*поднимаясь*). Я закажу экипаж и переоденусь. (*Все мужчины, кроме Хиггинса, встают со своих мест.*) Это займет не больше пятнадцати минут. (*Когда она направляется к двери, входит Элиза, уже в шляпке, застегивая по дороге перчатки.*) Я еду в церковь на бракосочетание вашего отца, Элиза. Вы можете поехать в одной коляске со мной. А полковник Пикеринг поедет с женихом.

Миссис Хиггинс покидает гостиную. Элиза выходит на середину комнаты и становится между тахтой и центральным окном. Пикеринг присоединяется к ней.

Дулитл. Жених! Что за слово! Как услышишь его, так сразу осознаешь свое положение! (*Берет цилиндр и шагает к двери.*)

Пикеринг. Прежде чем я уйду, Элиза, – простите Хиггинса и возвращайтесь к нам.

Лиза. Боюсь, отец мне этого не позволит. Правда, отец?

Дулитл (*грустно, но добродушно*). А эти два хитреца ловко устроились, Элиза. Кабы с тобой жил только один, ты бы его окрутила. Но их было двое; и они, так сказать, приглядывали друг за другом. (*Пикерингу.*) Это очень умно, полковник, но я на вас не в обиде: сам бы так поступил. Я всю жизнь был жертвой то одной женщины, то другой и не могу упрекнуть вас за то, что вы обвели Элизу вокруг пальца. Я не буду вмешиваться. Нам пора, полковник. До свидания, Генри. Увидимся в церкви, Элиза. (*Выходит.*)

Пикеринг (*просительно*). Оставайтесь с нами, Элиза. (*Уходит следом за Дулитлом.*)

Чтобы не оставаться наедине с Хиггинсом, Элиза выходит на балкон. Он встает и идет за ней. Тогда она немедленно возвращается в комнату и направляется к выходу, однако он успевает пройти вдоль балкона и, опередив Элизу, стать спиной к двери.

Хиггинс. Ну, Элиза, ты вернула себе кое-что свое – кажется, так ты тогда выразилась. Может быть, хватит дурить? Как ты думаешь?

Лиза. Я нужна вам только затем, чтобы подавать тапочки, слушать вашу ругань, когда вы не в духе, и вообще быть у вас на побегушках.

Хиггинс. А я не сказал, что зову тебя обратно.

Лиза. Разве? Тогда о чем мы говорим?

Хиггинс. Мы говорим о тебе, а вовсе не обо мне. Если ты вернешься, я буду обходиться с тобой так же, как раньше. Я не могу изменить себя и не хочу менять свои привычки. А мои манеры не хуже, чем у Пикеринга.

Лиза. Неправда. Он относится к цветочницам, как к герцогиням.

Хиггинс. А я отношусь к герцогиням, как к цветочницам.

Лиза. Да уж. (*Отворачивается, не теряя самообладания, и садится на тахту лицом к окну.*) Ко всем одинаково.

Хиггинс. Именно.

Лиза. Как мой отец.

Хиггинс (*с ухмылкой, немного задетый*). Не могу сказать, что это сравнение безупречно во всех отношениях, но твой отец действительно не сноб и в любой жизненной ситуации, куда бы ни загнали его капризы судьбы, будет чувствовать себя как рыба в воде. (*Серьезно.*) Суть не в том, чтобы иметь хорошие манеры, или плохие манеры, или какие бы то ни было манеры, а в том, чтобы одинаково обходиться со всеми; вести себя, как на небесах, где все равны и нет пассажиров третьего класса.

Лиза. Аминь. У вас дар проповедника.

Хиггинс (*с досадой*). Нельзя упрекать меня в том, что я дурно с тобой обходился, потому что я ни с кем не обхожусь лучше.

Лиза (*с внезапной искренностью*). Я могу снести обиду. Я готова терпеть вашу брань. Мне не страшен даже подбитый глаз – это бывало и прежде. Но (*выпрямившись и глядя ему прямо в глаза*) я не дам себя раздавить.

Хиггинс. Тогда уйди с дороги – ты меня не остановишь. Послушать тебя, так я не человек, а автобус.

Лиза. Вы и есть автобус: несетесь вперед и ни на кого не обращаете внимания. Но я обойдусь и без вас. Не думайте, что я на это не способна.

Хиггинс. Я знаю, что способна. И говорил тебе об этом.

Лиза (*уязвленная, отходит от него к другой стороне тахты, повернувшись лицом к камину*). Конечно, говорили, эгоист. Вы хотели от меня избавиться!

Хиггинс. Ложь!

Лиза. Спасибо. (*С достоинством садится.*)

Хиггинс. Полагаю, ты никогда не задумывалась над тем, смогу ли я обойтись без тебя?

Лиза (*серьезно*). Не надо уловок. Вам придется без меня обойтись.

Хиггинс (*высокомерно*). Я могу обойтись без кого угодно. У меня есть душа, есть своя искра божественного огня. Но... (*с внезапным смирением*) я буду скучать по тебе, Элиза. (*Садится на тахту рядом с нею.*) Меня кое-чему научили твои дурацкие замечания, и я смиренно говорю за это спасибо. А еще я привык к твоему голосу и лицу. Они мне даже нравятся.

Лиза. Что ж, у вас есть граммофон и альбом с фотографиями. Если заскучаете, можно будет включить запись. Не задевая ничьих чувств.

Хиггинс. Я не могу включить твою душу. Оставь мне чувства, а лицо и голос можешь забрать. Они – это не ты.

Лиза. Вам нельзя верить. Вы можете ранить девушке сердце так же легко, как другие выкручивают руки, чтобы сделать больно. Миссис Пирс предупреждала меня о том, какие страдания вы умеете причинять. Сколько раз она хотела уйти от вас, но вы всегда отговаривали ее в последнюю минуту. Хотя вам на нее наплевать. Так же, как и на меня.

Хиггинс. Но мне не наплевать на жизнь, на человечество; а ты его представитель, живущий со мной под одной крышей. Разве этого мало?

Лиза. Мне не нужен человек, которому не нужна я.

Хиггинс. Это кредо торговли, Элиза! Все равно что (*имитирует ее ковен-гарденский выговор с профессиональной точностью*) букетики по пенни штука, верно?

Лиза. Не издевайтесь надо мной. Это низко.

Хиггинс. Я никогда в жизни ни над кем не издевался. Издевающийся кривит лицо и крив душою. Просто я глубоко презираю коммерческие принципы. Настоящее чувство не продается. Ты считаешь меня эгоистом, потому что не имеешь на меня права, хоть и подаешь мне тапочки. Это глупо, люди не должны подавать друг другу тапочки: разве я их тебе подавал? Я стал уважать тебя, когда ты швырнула их мне в лицо. Ты хочешь быть моей рабой и требовать за это нежных чувств – да кого интересуют рабы? Если ты вернешься, я готов предложить тебе только искреннюю дружбу, но не больше. Ты получила от меня в тысячу раз больше, чем я от тебя, и если вместо герцогини, которую я создавал, ты будешь изображать дрессированную собаку, я выгоню тебя вон, так и знай.

Лиза. Зачем вы возились со мной, если я вам безразлична?

Хиггинс (*с чувством*). Это моя работа!

Лиза. Вы не подумали о том, каково после этого будет мне.

Хиггинс. Если бы Господь Бог боялся последствий, разве он создал бы мир? Жить значит рисковать. Есть только один способ избежать трудностей – а именно, убивать живое. Ты,

наверное, заметила: трусы всегда стоят за то, чтобы убивать людей, причиняющих им беспокойство!

Ли́за. Я не проповедник и не замечаю таких вещей. Я замечаю, что вы меня не замечаете.

Хиггинс (*вскакивая и принимаясь нетерпеливо расхаживать взад и вперед*). Элиза, ты идиотка. Я расточаю перед тобой достойные Мильтона сокровища своего ума. Пойми раз и навсегда, что я иду своим путем, и мне совершенно все равно, что станет с нами обоими. В отличие от твоего отца и мачехи, я отнюдь не робок. Можешь возвращаться или катиться ко всем чертям, как тебе угодно.

Ли́за. Зачем мне возвращаться?

Хиггинс (*вспрыгивая на тахту на коленях и наклоняясь над Элизой*). Просто ради интереса. Затем я тебя и взял.

Ли́за (*отворачиваясь*). А завтра вы меня выгоните, если я вдруг вам не угожу?

Хиггинс. Да; но ты можешь уйти и сама, если тебе не угожу я.

Ли́за. И жить с мачехой?

Хиггинс. Или торговать цветами.

Ли́за. Ах! Если бы я могла вернуться к своей цветочной корзине! Я не зависела бы ни от вас, ни от отца, ни от кого на свете! Зачем вы лишили меня свободы? Зачем я на это пошла? Теперь я рабыня, хоть и в богатом платье.

Хиггинс. Вовсе нет. Хочешь, я удочерю тебя и обеспечу деньгами. Или ты предпочитаешь выйти за Пикеринга?

Ли́за (*свирепо оборачиваясь к нему*). За вас я уж точно не вышла бы, хоть умоляйте! А он-то постарше вас будет!

Хиггинс (*мягко*). Не «постарше вас будет», а просто «постарше вас».

Ли́за (*встает, потеряв терпение*). Я говорю, как хочу. Вы мне больше не учитель!

Хиггинс (*задумчиво*). Хотя Пикеринг не согласится. Он ведь тоже убежденный холостяк.

Ли́за. Мне это и не нужно, понятно вам? У меня всегда от мужчин отбою не было. Фредди Хилл пишет мне по три раза в день длиннющие письма!

Хиггинс (*неприятно удивленный*). Каков нахал! (*Отпрянув с неудовольствием, садится на собственные пятки.*)

Ли́за. Он имеет на это право. И он меня по-настоящему любит.

Хиггинс (*слезая с тахты*). А ты-то зачем его поощряешь?

Ли́за. Каждая девушка имеет право быть любимой.

Хиггинс. Любимой? Таким дураком?

Ли́за. Фредди не дурак. Пусть он бедный и слабый, но я нужна ему, и он наверняка может дать мне больше счастья, чем сильные, которые оскорбляют меня и не ценят.

Хиггинс. Да кем ты с ним станешь? Вот в чем главное.

Ли́за. Может быть, он станет кем-нибудь со мной. Но я об этом и не задумываюсь; это вы считаете, что благодаря друг другу люди непременно должны кем-то становиться. А я просто хочу естественности.

Хиггинс. То есть хочешь, чтобы я сходил по тебе с ума, как Фредди? Так, что ли?

Ли́за. Нет. Такого чувства я от вас не жду. Не думайте, что вы все понимаете. Я могла бы стать плохой, будь у меня желание. Я повидала много такого, что вам и не снилось. Девушке вроде меня ничего не стоит обольстить джентльмена. А потом обоим хочется, чтобы другой умер.

Хиггинс. Вот именно. Так о чем мы, черт побери, тут спорим?

Ли́за (*в большом волнении*). Я хочу немного внимания. Я простая, глупая девушка, а вы большой ученый; но меня нельзя мешать с грязью. Я училась не за ради... (*поправляется*) не ради конфет и платьев: нам было хорошо вместе, и я стала заботиться о вас не потому, что забыла, кто я, и захотела за вас замуж, а чисто по-дружески.

Хиггинс. Ну да. Я разделяю эти чувства. И Пикеринг тоже. Элиза – ты просто дура.

Лиза. И это все, что вы можете ответить! *(В слезах опускается на стул за письменным столом.)*

Хиггинс. Да, пока ты не перестанешь идиотничать! Если хочешь быть настоящей леди, тебе придется отвыкнуть обижаться на тех мужчин, у которых есть более важные дела, чем распускать над тобой нюни или ставить тебе фонари под глазом! А если не можешь смириться с моим образом жизни, с моей холодностью и целеустремленностью, возвращайся обратно в канаву. Работай до полного отупения, а потом обнимайся с такими же скотами, ругайся и пей, пока не заснешь. Чем не жизнь! Она естественна; в ней есть сильные чувства, от которых не спасет самая толстая кожа; все слышно, все видно, и думать не требуется. Куда до этого науке, литературе, музыке, философии! Ты считаешь меня холодным, бесчувственным эгоистом? Ладно, иди к тем, кто тебе больше по нраву. Выйди за сентиментального борова с кучей денег и толстыми губами, который будет от души обнимать тебя и от души колотить! Не можешь ценить то, что у тебя есть, – получай то, что тебе нравится.

Лиза *(пылко)*. Вы жестокий тиран. Я не могу с вами говорить: вы выворачиваете мои слова наизнанку. Делаете вид, что всегда правы. Но сами прекрасно знаете, что это не так. Знаете, что я не могу вернуться в канаву, как вы это называете, и что у меня нет настоящих друзей, кроме полковника и вас. Знаете, что после вас двоих я не смогу жить с простым человеком; жестоко и оскорбительно предлагать мне такую жизнь. Вы думаете, я вернусь на Уимпол-стрит, потому что мне некуда деться, разве что к отцу. Но не думайте, что будете и дальше унижать и топтать меня. Я выйду за Фредди, как только смогу его обеспечить.

Хиггинс *(как громом пораженный)*. За Фредди?! За этого кретина? За этого сосунка, который не справится даже с работой посыльного, даже если у него хватит духу туда наняться! Да ведь я сделал тебя достойной самого короля!

Лиза. Фредди меня любит, а значит, для меня он уже король. Я не хочу, чтобы он работал: он для этого не создан. Я сама стану учительницей.

Хиггинс. Чему же ты будешь учить, скажи, пожалуйста?

Лиза. Тому, чему вы научили меня, – произношению.

Хиггинс. Ха-ха-ха!

Лиза. Пойду в ассистенты к тому волосатому венгру.

Хиггинс *(поднимаясь в гневе)*. Что? К этому самозванцу? К этому пустозвону? К этому невежде? Открыть ему мои методы? Только попробуй, и я сверну тебе шею. *(Кладет на нее руки.)* Поняла?

Лиза *(вызывающе, не сопротивляясь)*. Сворачивайте. Мне все равно. Я знала, что когда-нибудь вы меня ударите. *(Он отпускает ее, топает ногами от досады на себя самого, и отскакивает от нее так поспешно, что шлепается обратно на тахту.)* Ага! Теперь я знаю ваше слабое место. Какая же я была дура, что не подумала об этом раньше! Вы не можете отнять знания, которые мне дали. А слух у меня лучше вашего. И, в отличие от вас, я умею быть вежливой с людьми. Ага! *(Намеренно переходя на простонародный выговор, чтобы позлить его.)* Вы здорово влипли, Генри Иггинс. Теперь мне плевать *(щелкает пальцами)* на ваши оскорбления и ваши громкие фразы. Я объявлю во всех газетах, что ваша герцогиня была простой цветочницей и готова сделать герцогиню из кого угодно за полгода и тысячу гиней. Подумать только, что я сносила вашу ругань и позволяла себя унижать, когда довольно было только пошевелить пальцем, чтобы стать независимой!

Хиггинс *(изумленно глядя на нее)*. Ах ты, чертова потаскуха! Но это лучше, чем хныкать; лучше, чем подавать тапочки и искать очки. *(Поднимаясь.)* Черт побери, Элиза, – я обещал сделать из тебя настоящую женщину и сделал. Такой ты мне нравишься.

Лиза. Стоило вам понять, что я вас не боюсь и могу обойтись без вас, как вы сразу запели по-другому.

Хиггинс. Конечно! Пять минут назад ты была камнем на моей шее. А теперь ты крепкая башня – непобедимый боевой корабль. Теперь на Уимпол-стрит будут жить не два холостяка и глупая девчонка, а трое дружных холостяков.

Возвращается миссис Хиггинс, одетая по-свадебному. Элиза немедленно вновь становится спокойной и элегантной.

Миссис Хиггинс. Экипаж ждет, Элиза. Вы готовы?

Лиза. Да. Профессор едет с нами?

Миссис Хиггинс. Конечно, нет. Он не умеет себя вести в церкви. Все время издевается над произношением священника.

Лиза. Тогда я с вами прощаюсь, профессор. До свидания. *(Идет к двери.)*

Миссис Хиггинс *(подходя к Хиггинсу).* До свидания, милый.

Хиггинс. До свидания, мама. *(Он собирается поцеловать ее, но вдруг вспоминает, что забыл отдать Элизе распоряжения.)* Кстати, Элиза, закажи нам ветчины и сыра стилтон, ладно? Купи мне перчатки из оленьей кожи, восьмой номер, и галстук к новому костюму. Цвет можешь выбрать сама. *(Его энергичный, беззаботный, жизнерадостный голос показывает, что все попытки его вразумить пропали втуне.)*

Лиза *(презрительно).* Восьмой номер для вас мал, если вы хотите перчатки с мехом внутри. Три новых галстука валяются в шкафчике под умывальником. Полковник предпочитает стилтону глостерский сыр, а вы не способны заметить разницу. А насчет ветчины я предупредила миссис Пирс по телефону. Что вы будете делать без меня, ума не приложу. *(Стремительно выходит.)*

Миссис Хиггинс. Боюсь, ты испортил эту девушку, Генри. Я бы всерьез забеспокоилась, если бы ей не так нравился полковник Пикеринг.

Хиггинс. Пикеринг? Чушь – она собирается замуж за Фредди. Ха-ха! За Фредди! Ха-ха-ха-ха-ха! *(Его громовой хохот звучит, пока опускается занавес.)*

Заключение

Оставшуюся часть этой истории нет необходимости разыгрывать на сцене; ее и вовсе не стоило бы рассказывать, не будь наша способность к воображению столь ослаблена ленивой зависимостью от тех дешевых поделок, коими набита лавка старьевщицы-романтики, всегда готовой изуродовать любую повесть наибанальнейшим «счастливым концом». Кстати, хотя история Элизы Дулитл и была названа романтической, поскольку запечатленная в ней метаморфоза выглядит крайне маловероятной, она вполне обычна. Подобные метаморфозы происходили с сотнями решительных и честолюбивых молодых женщин с тех пор, как Нелл Гвинн подала им пример, играя обворожительных королей и королев в театре, где начинала торговкой апельсинами. Тем не менее, исходя единственно из того факта, что Элиза – героиня романтической истории, многие зрители моей пьесы поспешили сделать вывод, что она должна выйти замуж за ее героя. Это просто невыносимо, и не только потому, что ее личная драма, сыгранная на основе столь бездумного допущения, сразу утратила бы весь свой смысл, но и потому, что истинное продолжение моей повести очевидно всякому, кто знаком с человеческой природой в целом и особенностями женской интуиции в частности.

Заявив Хиггину, что не вышла бы за него, даже если бы он попросил, Элиза отнюдь не кокетничала, а подводила итог своим долгим размышлениям на эту тему. Когда у холостяка с незамужней складываются такие отношения, как у Хиггинса с Элизой, – когда он учит ее, командует ею и вообще играет важную роль в ее судьбе, – то она, при наличии у нее достаточно сильного характера, непременно всерьез задумывается над тем, не попробовать ли ей женить его на себе, особенно если он так мало интересуется браком, что упорной и сообразительной женщине вполне под силу добиться желаемого. В этом случае ее решение будет в большой мере зависеть от того, есть ли у нее настоящая свобода выбора, а это, в свою очередь, определяется ее возрастом и достатком. Если ее молодость подходит к концу, а жить ей не на что, она выйдет за всякого, кто сможет ее обеспечить. Но в Элизином возрасте красивая девушка еще не ощущает этого давления; она чувствует, что вольна выбирать себе жениха. Таким образом, она склонна доверять своей интуиции. Но интуиция говорит Элизе, что выходить за Хиггинса ей не следует. Она не велит ей от него отказываться: нет ни малейших сомнений в том, что он останется одним из главнейших интересов в ее личной жизни. Если бы ее место рядом с Хиггинсом угрожала занять другая женщина, Элизе пришлось бы помучиться; но поскольку в этом смысле никакая опасность ей не грозит, она не колеблясь идет своим курсом и вела бы себя так, даже если бы между ними не существовало разницы в двадцать лет, кажущейся молодым столь огромной.

Однако наша собственная интуиция не удовлетворена ее выбором, а потому давайте посмотрим, есть ли в нем разумное зерно. Когда Хиггинс объяснил свое равнодушие к девушкам тем, что они имеют непобедимую соперницу в лице его матери, он дал нам ключик к пониманию своей нерушимой приверженности холостяцкому образу жизни. Его случай необычен лишь настолько, насколько редки выдающиеся матери. Если мать наделенного воображением юноши достаточно богата и вдобавок обладает умом, изяществом манер, твердостью духа без грубости и утонченным чутьем, позволяющим ей безошибочно распознавать лучшие образцы современного искусства и окружать себя ими в своем доме, она устанавливает для него стандарты, коим способны удовлетворить весьма немногие женщины; кроме того, благодаря ей он приобретает привычку отделять свои привязанности, чувство прекрасного и идеалистические устремления от чисто половых импульсов. Благодаря этому он превращается в неразрешимую загадку для огромного количества не столь культурных людей, воспитанных в безвкусовой обстановке заурядными, а то и попросту неприятными родителями, ибо если литература, живопись, скульптура, музыка и нежность в личных отношениях и входят в круг жизненных интересов этих людей, то воспринимаются ими лишь в связи с сексом. Слово «страсть» не

означает для них ничего иного, и то, что Хиггинс питает страсть к фонетике и идеализирует свою мать вместо Элизы, показалось бы им абсурдным и противоестественным. Тем не менее, оглядевшись вокруг, мы увидим, что на свете едва ли сыщется человек столь уродливый и отталкивающий, что ему при всем желании не удастся найти себе жену или мужа, и наряду с этим многие старые девы и холостяки стоят на довольно высоком уровне культурного развития; а сие не может не навести нас на мысль, что отделение секса от вещей, с которыми его так любят смешивать, отделение, которого гениальные личности добиваются путем интеллектуального анализа, иногда становится следствием искренней душевной привязанности к родителям.

Далее, хотя Элиза и не умела объяснить себе таким образом уникальную сопротивляемость Хиггинса чарам, сразившим Фредди с первой же минуты, она инстинктивно чувствовала, что никогда не сможет приручить его окончательно и встать между ним и его матерью, что составляет первейшую необходимость для замужней женщины. Коротко говоря, она понимала, что по какой-то неведомой причине из него не выйдет хорошего мужа – то есть, по ее представлениям, человека, для которого она была бы ближайшим, любимейшим и роднейшим существом. Даже не будь у нее соперницы в лице его матери, она не согласилась бы занять среди жизненных интересов Хиггинса третье место после науки и искусства. И после смерти миссис Хиггинс у ее сына остались бы Милтон и Универсальный алфавит. Замечание Лэндора о том, что именно люди, щедрее других наделенные способностью любить, считают любовь делом вторичным, послужило бы ему плохой рекомендацией в глазах Элизы. Добавьте к этому ее недовольство стремлением Хиггинса подавлять окружающих и его манерой тонко улещивать их, дабы избежать кары в тех случаях, когда он заходил слишком далеко в своих привычных насмешках, и вы увидите, что чутье ни в коей мере не обманывало девушку, предостерегая ее от вступления в брак со своим Пигмалионом.

Но за кого же тогда она могла выйти? Ведь если Хиггинс – неисправимый холостяк от природы, Элизе, уж конечно, не было на роду написано остаться старой девой. Постараемся очень кратко ответить на этот вопрос для тех, кто не сделал должного вывода из намеков, оброненных ею самой.

Почти сразу же после того, как спровоцированная Хиггинсом Элиза заявляет о своем твердом решении не выходить за него, она признается, что юный мистер Фредерик Эйнсфорд-Хилл ежедневно шлет ей письма с излияниями нежных чувств. Фредди молод – лет на двадцать моложе Хиггинса; он джентльмен (франт, как определила бы его Элиза) и говорит соответственно. Полковник относится к нему, как к ровне; он хорошо одевается, искренне любит Элизу и никогда не осмелился бы командовать ею, хоть и стоит выше на общественной лестнице. Элиза вовсе не собирается подтверждать своим примером дурацкую романтическую сентенцию о том, что все женщины любят подчиняться или, еще пуще, с удовольствием сносят насмешки и побои. «Когда идешь к женщине, возьми с собой кнут», – советует Ницше. Толковые тираны никогда не ограничивались применением этого принципа к одним лишь женщинам; они брали с собой кнут и тогда, когда отправлялись к мужчинам, и те, заслышав его свист, раболепствовали гораздо усерднее женщин. Без сомнения, рабы по натуре попадают не только среди мужчин, но и среди женщин; и женщины, подобно мужчинам, склонны восхищаться теми, кто сильнее их. Но восхищаться сильной личностью и жить под ее пятой – это разные вещи. Пусть слабых не превозносят и не воспевают как героев, но ими ведь и не пренебрегают – по крайней мере, они ничтоже сумняшеся вступают в брак с теми, кто на первый взгляд слишком для них хорош. Возможно, они и спасуют в экстренной ситуации, но жизнь не назовешь сплошной чередой экстренных ситуаций; скорее, это череда ситуаций, которые не требуют от человека исключительной силы характера и с которыми вполне может справиться даже слабая личность, особенно если рядом окажется сильный помощник. Вокруг сколько угодно свидетельств того, что сильные люди, будь то мужчины или женщины, не только не хотят заключать браки с еще более сильными, но и не очень-то любят водить с ними дружбу. Если

лев слышит, что другой лев рычит громче него, он лишь недовольно морщится. Если человек уверен, что сил у него хватит на двоих, ему нужен какой угодно партнер, только не волевой.

Верно и обратное. Слабые люди стремятся вступать в брак с сильными, если последние не слишком их отпугивают, и вследствие этого нередко совершают ошибку, которую мы образно описываем словами «откусил больше, чем может прожевать». Они хотят получить много, заплатив мало, и если сделка совсем уж неразумна, союз становится невозможным: в итоге сильный партнер либо избавляется от слабого, либо тащит его на себе, как крест, что еще хуже. В это незавидное положение креста частенько попадают те, кто не только слаб, но еще и недалек умом.

Раз таково устройство мира, как поведет себя Элиза, вынужденная выбирать между Фредди и Хиггинсом? Прельстится ли она перспективой всю жизнь подавать тапочки Хиггинсу или предпочтет, чтобы Фредди всю жизнь подавал их ей? Ответ, разумеется, однозначен. Если в биологическом смысле Фредди не противен ей настолько, что это перевешивает все прочие соображения, и если привлекательность Хиггинса в ее глазах не достигает столь же катастрофической степени, она, коли уж ей суждено выйти замуж, выйдет замуж за Фредди.

Именно так и поступила моя героиня.

Трудности не замедлили воспоследовать – но они оказались не романтического, а экономического свойства. У Фредди не было ни денег, ни профессии. Наследство, полученное его матерью, этот остаток бывшего великолепия Лардждледи-парка, позволяло ей вести более или менее приличное существование в Эрлскорте, но о том, чтобы дать детям серьезное второе образование, не говоря уж о профессии для Фредди, не могло быть и речи. Работа клерком за тридцать шиллингов в неделю была ниже достоинства Фредди; к тому же самая мысль о ней вызывала у него глубокое отвращение. Его планы на будущее сводились к надежде на то, что, если он не утратит своего аристократического шарма, кто-нибудь возьмет его под свое крыло. В качестве вариантов этого светлого будущего ему смутно мерещились место личного секретаря или просто какая-нибудь синекура. Мать же, пожалуй, мечтала скорее о женитьбе сына на обеспеченной леди, которая не сможет противостоять его обаянию. Представьте себе, каким ударом стал для нее его брак с цветочницей, чей социальный статус изменился вследствие экстраординарного стечения обстоятельств, преданного затем всеобщей гласности!

Впрочем, союз с Элизой не выглядел таким уж вызывающим мезальянсом. Ее отец, бывший мусорщик, превратился в уважаемого гражданина, весьма популярного в высших кругах общества благодаря своему уникальному дару, восторжествовавшему над всеми предрассудками и всеми несправедливостями судьбы. Отверженный презираемым им средним классом, он мгновенно вознесся на самый верх с помощью своего остроумия, своего трудового прошлого (которое он носил, точно вымпел) и своей ницшеанской способности становиться по ту сторону добра и зла. Войдя в число ближайших друзей герцога и герцогини, он частенько сиживал на их ужинах по правую руку от хозяйки, а в загородных усадьбах то покуривал в буфетной, принимая многочисленные знаки почтения от дворецкого, то подкреплялся в столовой, беседуя с членами кабинета. Однако вести такую жизнь на четыре тысячи в год было для него не менее трудным делом, чем для миссис Эйнсфорд-Хилл – прозябать в Эрлскорте, довольствуясь доходом столь неизмеримо малым, что у меня не хватает духу огласить его точную цифру. Он решительно отказался взять на себя обеспечение дочери, опасаясь, что это станет для него, и так уж измученного непосильным бременем, последней соломинкой.

Таким образом, Фредди и Элиза, они же новоиспеченные мистер и миссис Эйнсфорд-Хилл, провели бы медовый месяц без единого пенни, если бы не свадебный подарок в пятьсот фунтов, полученный Элизой от полковника. Эту сумму им удалось растянуть надолго, поскольку Фредди не умел тратить деньги, будучи лишен соответствующего опыта, а Элиза, воспитанная двумя холостяками, носила свои наряды до тех пор, покуда они оставались прочными и красивыми, нимало не смущаясь тем, что они на много месяцев отстают от моды. К

сожалению, даже на пятьсот фунтов молодая пара не может существовать вечно, и оба они знали, а Элиза еще и чувствовала, что рано или поздно им придется перейти на самообеспечение. При нужде она могла бы переселиться и на Уимпол-стрит, в квартиру, ставшую для нее домом, однако она хорошо понимала, что переезжать туда вместе с Фредди не следует хотя бы потому, что это, помимо всего прочего, определенно не пойдет на пользу его характеру.

Кстати говоря, холостяки с Уимпол-стрит не возражали и против этого переезда. Когда она посоветовалась с ними, Хиггинс отказался тратить время и силы на обдумывание ее жилищной проблемы, ибо для него решение лежало на поверхности. Желание Элизы иметь Фредди рядом с собой значило для него не больше, чем ее просьба приобрести дополнительную деталь мебелировки; доводы, касающиеся характера Фредди и его моральной потребности самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, были для Хиггинса пустым звуком. Он отрицал, что у Фредди вообще есть характер, и утверждал, что, даже если муж Элизы и попытается сделать что-то осмысленное, какое-нибудь компетентное лицо будет вынуждено затем взять на себя труд переделать все заново – процедура, влекущая за собой чистый убыток для общества и крупные огорчения для самого Фредди, очевидно, приспособленного природой лишь для такого легкого занятия, как развлекать Элизу (впрочем, по словам Хиггинса, гораздо более почетного и полезного, нежели работа в Сити). Когда Элиза вновь упомянула о своем намерении преподавать фонетику, это вызвало у Хиггинса столь же яростный прилив возмущения, как и в первый раз. Он сказал, что и через десять лет ее квалификации не хватит на то, чтобы подступиться к его любимому предмету, и поскольку полковник явно был солидарен с профессором, она решила не идти против них в этом важном вопросе, полагая, что у нее нет права пользоваться знаниями, данными ей Хиггинсом, без его согласия: эти знания казались Элизе, ни в коей мере не разделявшей коммунистических воззрений, такой же собственностью Хиггинса, как его часы. Кроме того, она и после своей свадьбы осталась глубоко и искренне привязанной к ним обоим – со временем эта привязанность, пожалуй, лишь возросла.

В конце концов, после долгих и мучительных раздумий, возникшую проблему решил не кто иной, как полковник. В один прекрасный день он довольно робко поинтересовался у Элизы, вовсе ли она отказалась от своей мечты открыть цветочную лавку. Та ответила, что обдумывала эту идею, но выкинула ее из головы, поскольку когда-то, в гостях у миссис Хиггинс, сам полковник заявил, что считает ее бесперспективной. Полковник возразил, что сказал это, еще не вполне оправившись от потрясений, пережитых накануне, и под их влиянием. В тот же вечер они подняли эту тему в разговоре с Хиггинсом. Единственное замечание, до которого он снизошел, едва не породило серьезную размолвку с Элизой: его суть состояла в том, что из Фредди получится идеальный мальчик на побегушках.

Следующим в известность об этих планах поставили самого Фредди. Он сказал, что тоже подумывал об открытии магазинчика: этот последний представлялся ему, при его нищете, крохотной комнатухой, где Элиза продавала бы табак, а он торговал газетами за стойкой напротив. Но он согласился с тем, что чрезвычайно приятно было бы каждое утро отправляться с Элизой на Ковент-Гарденский рынок и покупать цветы на месте их первой встречи, – реакция, заслужившая ему множество жениных поцелуев. Он добавил, что всегда боялся предлагать что-либо подобное, так как у Клары наверняка вызвал бы бурный протест любой шаг, угрожающий ее матримониальным возможностям, да и их мать вряд ли одобрила бы такой поступок сына после многих лет отчаянного цепляния за ту ступеньку социальной лестницы, на коей розничная торговля считается занятием недостойным.

Эта трудность была устранена благодаря событию, абсолютно неожиданному для матери Фредди. Вращаясь в самых высоких из доступных ей кругов ценителей искусства, Клара обнаружила, что, дабы не ударить лицом в грязь, ей необходимо пополнить свой культурный багаж основательными знаниями романов мистера Г. Дж. Уэллса. Она принялась добывать эти романы в разных местах столь энергично, что не более чем за два месяца проглотила их все.

Результатом этого подвига стало обращение, вполне обыкновенное для наших дней. Современных Деяний апостолов, возьми кто-нибудь на себя труд записать их, хватило бы на добрых полсотни Библий.

Бедняжка Клара, в которой Хиггинс с матерью видели нелепую и малопривлекательную особу, а ее собственная мать – неудачницу, по какой-то загадочной причине не способную занять твердое положение в обществе, отнюдь не согласилась бы ни с одной из этих характеристик; ибо, хотя в Западном Кенсингтоне ее и вправду, подобно всем остальным, до известной степени высмеивали и передразнивали, она была принята там как представительница вполне разумного и нормального – или, лучше сказать, неизбежного? – человеческого типа. В худшем случае ее называли «пробивной девицей», но никому, и тем более ей самой, никогда не приходило в голову, что пробивается она сквозь несуществующие стены, за которыми к тому же ничего нет. Однако она не была счастлива. Наоборот, она все глубже погружалась в депрессию. Ее единственное достояние – тот факт, что ее мать была, по определению эпсомского зеленщика, «дамой из благородных», – очевидно, не имело большой цены. Это из-за него она осталась без образования, поскольку не могла получать его вместе с дочерью того самого зеленщика, а на иное у нее не хватило бы денег. Это из-за него она столь упорно искала общества людей того класса, к которому принадлежала ее мать, но этот класс столь же упорно отвергал ее, ибо она была гораздо беднее зеленщика и не могла позволить себе завести не только горничную, но даже экономку, вынужденная довольствоваться помощью дешевой, приходящей на дом прислуги. При таких обстоятельствах ей было решительно не под силу выглядеть истинным порождением Лардждеди-парка. И тем не менее, его традиции заставляли ее смотреть на брак с любым из доступных ей претендентов как на невыносимое унижение. Коммерсанты и представители обычных профессий были ей ненавистны. Ее интересовали художники и романисты, но они оставались равнодушными к ее чарам, а ее смелые попытки вести беседы на художественные и литературные темы попросту раздражали их. Короче говоря, она и впрямь была полной неудачницей – невежественной, некомпетентной, претенциозной, высокомерной, ни на что не годной пустышкой без гроша за душой; и хотя она ни за что не признала бы себя таковой (ибо никто никогда не признает горестных истин подобного рода, если только перед ним не забрезжит возможность выхода), все эти недостатки ощущались ею слишком остро для того, чтобы она могла чувствовать удовлетворение своей ничемной жизнью.

Внезапно воспламененная знакомством со своей ровесницей, буквально ослепившей ее и вызвавшей в ней безудержное желание сделать ее образцом для подражания и снискать ее дружбу, Клара испытала настоящий шок, когда узнала, что эта изысканная личность всего лишь несколько месяцев тому назад обитала в лондонских трущобах. Это потрясло впечатлительную девушку столь сильно, что, когда мистер Г. Дж. Уэллс поднял ее на кончике своего могущественного пера на такую высоту, откуда ее собственная жизнь и общество, к которому она тяготела, были видны в своем подлинном отношении к настоящим человеческим нуждам и разумному социальному устройству, он стал виновником обращения и осознания греховности, по глубине нисколько не уступающих тем, какие переживали новоиспеченные последователи Уильяма Бута и Джипси Смита. Кларин снобизм лопнул, как мыльный пузырь. Она вдруг включилась в орбиту мирового движения. У нее стали неведомо откуда появляться враги и друзья. Те знакомые, кому она казалась скучной, смешной или неинтересной, разорвали с ней отношения; другие сделались ее близкими товарищами. К своему изумлению, она обнаружила, что некоторые «страшно обаятельные» люди уже доверху полны Уэллсом и эта восприимчивость к свежим идеям лежит в основе их обаяния. Те, кого она считала глубоко религиозными и чье расположение пыталась завоевать с поистине катастрофическими результатами, неожиданно стали проявлять к ней симпатию и высказывать такую враждебность к официальной религии, в какой прежде она увидела бы лишь симптом самого крайнего безрассудства. Они предложили ей прочесть Голсуорси; последний открыл ее глазам всю суетность Лардждеди-парка и

завершил ее духовный переворот. Она буквально кипела, думая о том, что темница, в коей она томила столько безрадостных лет, вовсе не была заперта на протяжении всего этого времени и что именно те подспудные импульсы, которые она так старательно подавляла ради укрепления своего общественного статуса, и были единственным возможным средством налаживания подлинных контактов с другими человеческими особями. Вдохновленная и взбудораженная этими открытиями, она порой, и довольно часто, вела себя на людях не менее глупо, чем в тот раз, когда с такой готовностью переняла восклицание Элизы в гостиной миссис Хиггинс, – ибо новообращенные поклонники Уэллса нередко выглядят в обществе забавными и неопытными, как малые дети, – но ведь никто всерьез не сердится на ребенка за его невинные оплошности и не меняет своего мнения о нем на худшее после его попытки съесть спички, так что нелепые выходки Клары не оттолкнули от нее друзей. Теперь друзья просто смеялись над ней без всякого стеснения, а она вынуждена была защищаться и отстаивать свои взгляды по мере сил.

Когда Фредди приехал в Эрлскорт (чего он никогда не делал, если мог избежать), дабы объявить во всеуслышание, что они с Элизой собираются очернить фамильный герб владельцев Ларджледи-парка, открыв цветочную лавку, он нашел тамошних обитателей уже выбитыми из колеи поступившим накануне от Клары известием о том, что она также намерена устроиться на работу в магазинчик старой мебели на Доувер-стрит, принадлежащий одной из ее сестер по новой вере, истовой почитательнице Уэллса. Это место Клара получила, между прочим, благодаря своим общепризнанным пробивным способностям. Она твердо решила любой ценой добиться встречи с мистером Уэллсом во плоти – и достигла этой цели на одном из званых вечеров. Такая напористость едва ли заслуживала награды, однако Кларе повезло больше, чем можно было рассчитывать. Мистер Уэллс сполна оправдал ее ожидания. О нем хотелось сказать словами Шекспира: «Над ним не властны годы, не прискучит его разнообразие вовек»¹. Его удивительная собранность и опрятность, его маленькие руки и ноги, переполненный идеями мозг, ненаигранная простота в обращении и особенно та редкая чуткость и восприимчивость, о которой явственно говорил весь его облик от самой макушки до самых пяток, за каких-нибудь полчаса беседы покорили ее совершенно. После этой знаменательной встречи Клара целый месяц не могла обсуждать ничего иного – и поскольку как раз в эту пору ей довелось быть представленной хозяйке мебельного магазина, которая, как выяснилось, также лелеяла мечту свести знакомство с мистером Уэллсом и, пожалуй, продать ему пару милых вещиц, эта леди предложила Кларе место за прилавком в надежде реализовать свой заветный план с ее помощью.

Таким образом, удача вновь улыбнулась Элизе, и начинание молодой четы не встретило ожидаемого сопротивления со стороны родни Фредди. Их лавка находится в привокзальном торговом пассаже неподалеку от Музея Виктории и Альберта, и если вы живете в тех краях, вам ничто не мешает заглянуть к Элизе в любой день и приобрести у нее бутоньерку.

Здесь мы подошли к тому рубежу, на котором у романа остается последний шанс на спасение. Уж не склонны ли вы вообразить, что благодаря Элизиному обаянию и опыту ее прошлых отношений с ковент-гарденскими торговцами новая цветочная лавка снискала у покупателей колоссальную популярность? Увы, но правду не скроешь: эта лавка не окупалась весьма продолжительное время просто-напросто потому, что Элиза и Фредди не умели вести дела. Конечно, Элизе не пришлось начинать с азов: она знала кое-какие имена и цены на самые дешевые цветы, а кроме того, пришла в неописуемый восторг, когда обнаружилось, что Фредди, подобно всем юношам, обучавшимся в дешевых, претенциозных и безнадежно неэффективных школах, до некоторой степени знаком с латынью. Его познания в этой области были крайне скудны, но и их Фредди вполне хватило на то, чтобы с легкостью освоить ботаническую терминологию и вследствие этого подняться в глазах жены как минимум до уровня таких выдаю-

¹ Перефразированные строки из «Антония и Клеопатры», пер. Мих. Донского.

щихся знатоков античности, как Порсон и Бентли. К несчастью, больше он не знал ничего; да и Элиза, несмотря на свое умение считать деньги шиллингов этак до восемнадцати, а также поверхностные сведения о языке Мильтона, полученные ею в дни упорной борьбы за то, чтобы помочь Хиггинсу выиграть пари, не могла выписать счет, не опозорившись при этом в глазах своей клиентуры. Хотя Фредди и был способен сообщить по-латыни всем интересующимся, что Бальб построил стену, а Галлия разделена на три части, бухгалтерия и прочие деловые материи были для него темным лесом; полковнику Пикерингу пришлось объяснять ему, что такое чековая книжка и банковский счет. Кроме того, наши молодые предприниматели вовсе не стремились избавиться от своего невежества. Фредди был солидарен с Элизой, упрямо отказывающейся верить, что они могли бы сэкономить деньги, наняв более или менее опытного счетовода. Их главным аргументом был такой: разве можно тратить еще и на жалованье специалисту, если им и без того не удастся свести концы с концами? Но полковник, который не однажды помогал им свести друг с другом эти никак не желающие сходиться концы, все-таки мягко настоял на своем – и Элиза, донельзя пристыженная необходимостью столь часто злоупотреблять его великодушием и уязвленная громогласными издевательствами Хиггинса, у которого утверждения о дееспособности Фредди в каком бы то ни было отношении неизменно вызвали гомерический хохот, нашла в себе силы признать, что коммерции, так же как и фонетике, надо учиться.

О том, как наша молодая чета проводила вечера на уроках стенографии и политехнических курсах, постигая премудрости бухгалтерии и машинописи бок о бок с начинающими клерками обоих полов, едва вылупившимися из начальной школы, да будет мне позволено не распространяться: уж очень это печальная тема. Имели место даже консультации в Лондонской школе экономики и персональное обращение к ректору этого почтенного заведения со смиренной просьбой порекомендовать курсы, наиболее подходящие для торговцев цветами. Будучи человеком веселым, он предложил им метод, описанный Диккенсом в очерке о джентльмене, который, желая сочинить статью о китайской философии, прочел статьи о Китае и о философии, а затем объединил полученные сведения. Ректор посоветовал молодым людям объединить Школу экономики с Кью-гарденс. Элиза, которой метод диккенсовского джентльмена показался абсолютно логичным (каковым он в действительности и был) и вовсе не заслуживающим насмешки (таково было ее невежество), восприняла этот совет с полнейшей серьезностью. Но самое тяжкое испытание ждало ее впереди: скрепя сердце она обратилась к Хиггинсу, чьим вторым по степени важности художественным увлечением, вслед за поэзией Мильтона, была каллиграфия – он писал чудесным классическим почерком, – с просьбой научить ее владеть пером. Он заявил, что она органически не способна вывести на бумаге ни единой буквы, достойной сравнения с наименее значительным из всех мильтоновских слов, но она стояла на своем, – и он снова взялся учить ее с характерным для него сочетанием бурной напористости, сосредоточенного терпения и неожиданных спичей о красоте, благородстве и божественном предназначении искусства чистописания. В конце концов у Элизы выработался совершенно некоммерческий почерк, безупречно гармонирующий с ее природным изяществом; вот только на канцелярские принадлежности ей приходилось тратить втрое больше нормального человека, поскольку качество и размер бумаги играли для нее первостепенную роль. Она не могла даже подписать конверт обычным способом, так как поля при этом получались никуда не годными.

Пора обучения молодых людей в коммерческой школе оказалась полна для них горечи и разочарований. К их вящей досаде, там не говорили ничего о цветочных лавках. Спустя некоторое время они бросили посещать эти уроки, не видя в них никакого смысла, а заодно навсегда отряхнули со своих ног пыль политехнического колледжа, стенографических курсов и Лондонской школы экономики. Тем не менее, дела в их магазинчике начинали каким-то мистическим образом налаживаться сами собой. Теперь юные коммерсанты незаметно для себя смирились с

необходимостью приглашать на работу подручных. Они пришли к выводу, что их манера вести торговлю наилучшая из возможных и что у них врожденный талант предпринимателей. Полковник, в течение ряда лет вынужденный постоянно держать на своем текущем банковском счете приличную сумму для покрытия их дефицита, обнаружил, что нужда в этой предосторожности отпала, ибо молодые люди преуспевали. Нельзя не признать, что в конкурентной борьбе у них была изрядная фора: загородные уик-энды не стоили им ничего и экономили расходы на воскресный обед, так как автомобиль принадлежал полковнику, а гостиничные счета оплачивал он же пополам с Хиггинсом. Мистер Ф. Хилл, торговец цветами и зеленью (ибо они вскоре поняли, что спаржа может приносить деньги, а за спаржей последовали и другие овощи), имел представительный вид, снискавший его лавке отличную репутацию, а в частной жизни по-прежнему оставался Фредериком Эйнсфорд-Хиллом, эсквайром. Впрочем, чванство было ему не свойственно; никто, кроме Элизы, не знал о том, при крещении его нарекли Фредериком Чаллонером. Сама же Элиза чванилась за двоих.

Вот, собственно, и все. Вот чем завершилась эта история. Удивительно, сколь часто Элиза умудряется вмешиваться в хозяйственные дела на Уимпол-стрит, хотя у нее есть магазин и своя собственная семья. Примечательно и другое: при том, что она никогда не бранится с мужем и любит полковника, как родная дочь, ей так и не удалось избавиться от привычки огрызаться на Хиггинса, приобретенной в тот памятный вечер, когда она помогла ему выиграть пари. Она буквально взрывается по малейшему поводу и даже без оного. Он больше не рискует дразнить ее напоминаниями о гигантской пропасти между интеллектом Фредди и его собственным. Впрочем, он не способен обойтись вовсе без язвительных выпадов и насмешек – но она отвечает ему так свирепо, что полковнику время от времени приходится просить ее быть с Хиггинсом помягче, и это единственная его просьба, в ответ на которую она лишь упрямо сжимает губы. Это положение вещей может измениться разве что в том случае, если какое-нибудь достаточно серьезное несчастье или катастрофа заставят наших героев позабыть все свои симпатии и антипатии и низвергнуться на уровень обычных людей с их простыми человеческими эмоциями, но упаси их Господь от такой участи! Она знает, что не нужна Хиггинсу, так же как прежде не была нужна отцу. Та самая прямота, с какой он признался Элизе, что ему будет не хватать ее, если она уйдет, поскольку он привык видеть ее рядом и полагаться на нее в отношении разнообразных мелких услуг, укрепляет ее уверенность в том, что она для него «навроде этих тапочек», однако она чувствует, что его безразличие, пожалуй, глубже страстного увлечения более примитивных натур. Разумеется, она к нему далеко не равнодушна. В иные минуты у нее даже возникает озорное желание очутиться с ним где-нибудь на укромном острове, вдали от всех уз и посторонних лиц, а там стащить его с пьедестала и заставить любить, как самого обыкновенного человека. У всех нас порой бывают подобные фантазии. Но когда дело касается реальности, той жизни, которую Элиза ведет помимо своих тайных грез и мечтаний, она любит Фредди и любит полковника – но не любит Хиггинса и мистера Дулитла. Галатея не в силах проникнуться к Пигмалиону настоящей симпатией: ведь он смотрит на нее свысока, как положено богу, а это отнюдь не красит его в ее глазах.